

Ирина Наумова Развод в 35. Чемодан в руки — барабан на шею!

**Развод в 35.
Чемодан в руки
— барабан
на шею!**

Ирина Наумова

Ирина Наумова

Развод в 35. Чемодан в руки-барабан на шею!

<https://litres.ru/74320583>

Аннотация

— Пятнадцать лет брака, Глеб! И ты променял их на эту пищашую вокалистку в дешевых стразах? — Ира, ну не будь ребенком. Гастроли, нервы... Это просто физиология. Ты же сама понимаешь: я творческая личность, мне нужна подзарядка. — «Подзарядка»? Отлично. Тогда пусть твоя девица теперь оплачивает твой райдер и чинит твои барабаны. Я ухажу. — Да куда ты денешься? — Глеб самоуверенно усмехнулся. — Приползешь через неделю. Еще и прощения просить будешь! — Неделя — это слишком долго, Глеб. У тебя есть пять минут, чтобы собрать манатки. Чемодан в руки — барабан на шею! Пошел вон!

Я была его тенью, его опорой и его кошельком. Пятнадцать лет я строила наш «идеальный мир», пока муж играл роль рок-звезды за мой счет. Один подслушанный разговор в гримерке Елабуги разрушил всё.

Он думает, что я сломаюсь? Ошибается. У меня есть мой талант, мое ателье и старый серебряный кулон — подарок мальчика из далекого детства. Я еще не знаю, что тот самый мальчик уже вырос и ждет меня с мольбертом на набережной. И

когда Глеб, поджав хвост, приползет обратно, я просто закрою перед ним дверь.

В моей новой жизни барабанщикам места нет. Только тишина, краски и мужчина, который ценит меня по-настоящему.

В тексте: Жесткий развод (плакать будет ОН, а не она) Изменник, который осознает, ЧТО потерял (но поздно!) Сильная героиня, меняющая швейную машинку на личное счастье Встреча через года и тайны прошлого Хэппи-энд, в котором бывший остается за бортом

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3(Глеб)	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9 (Ильнур)	66
Глава 10	72
Глава 11	79
Глава 12(Глеб)	87
Глава 13	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1

Игла с трудом проколола плотную костюмную ткань, расшитую тяжелым стеклярусом. Пальцы ныли — за последние две недели гастрольного тура я превратилась из востребованного дизайнера в обычную швею-мотористку на выезде. Колени затекли, спина немела, но я продолжала выводить потайной шов, стараясь не обращать внимания на то, как Глеб нетерпеливо притоптывает ногой, едва не задевая мое плечо тяжелым ботинком.

— Ира, ну скоро там? Пять минут до выхода! — Глеб дернул плечом, и нитка натянулась, едва не лопнув. — Вечно ты возишься.

Я подняла голову, смахивая со лба выбившуюся прядь. В зеркале старой гримерки елабужского ДК отражалась пара, которую в Питере называли «идеальной». Красивый, поджарый Глеб в своем сценическом камзоле — мой личный шедевр кроя — и я. Бледная, в простом шелковом костюме, с игольницей на запястье и усталостью в глазах, которую не мог скрыть даже дорогой консилер.

— Если ты перестанешь дергаться, закончу через минуту, — спокойно ответила я, хотя внутри все сжималось от его тона. — Декор держался на честном слове, ты вчера на концерте в Казани так махал палками, будто пытался пробить дыру в мироздании.

— Это драйв, Ириша. Тебе, с твоими выкройками и пуговицами, не понять, — он самодовольно усмехнулся, глядя на свое отражение.

Он подмигнул себе в зеркале, поправил пышную шевелюру и вдруг резко потянулся к флакону парфюма, стоявшему на гримерном столике. Резкое облако аромата накрыло нас обоих. Горький апельсин, порошок и что-то приторно-сладкое с жасмином и ванилью, бьющее прямо в слизистую.

Я поморщилась.

— Новый запах? Я не помню, чтобы мы его покупали. Твой древесный «Терре» еще наполовину полон.

Глеб на мгновение замер, рука с флаконом опустилась чуть медленнее, чем обычно.

— А, это... Ребята из группы подарили. Сказали, более «сценический». Слушай, Ир, не начинай, а? Ты в последнее время только и делаешь, что ворчишь. То запах не тот, то смотрю не так. Ты переработала в своем ателье, точно тебе говорю. Вот и мерещится всякое.

— Мне не мерещится, Глеб. Просто этот аромат... он тебе не идет. Слишком дешевый для твоего образа.

— Ой, всё! — он вскочил, едва я успела откусить нитку. — Доктор моды вынес вердикт. Пойду разогреюсь, а то ты мне весь настрой сбиваешь своим критиканством.

Он вылетел из гримерки, даже не поблагодарим за починенный костюм. Дверь со скрипом захлопнулась, оставив меня в облаке этого чужого, раздражающего запаха.

Я тяжело опустилась на потертый стул. Пятнадцать лет. Мы поженились, когда у нас не было ничего, кроме его старой ударной установки и моей подержанной машинки «Зингер». Я верила в него, когда в него не верил никто. Я сама создавала его стиль, вела переговоры с клубами, когда он был слишком «творческим», чтобы заниматься скучными цифрами. И вот теперь, в юбилейный тур, я поехала с ними по провинции только ради одного — спасти то, что начало трещать по швам.

В примерке было душно. Старая вентиляция работала с натужным хрипом, гоняя пыль по углам. Я поднялась, чтобы повесить куртку Глеба, которую он бросил на спинку кресла, и вдруг почувствовала, как из кармана что-то выпало.

Маленький бумажный прямоугольник плавно опустился на грязный линолеум.

Я наклонилась, думая, что это обычный медиатор или чек из заправки. Но это был чек из ювелирного салона. «Сапфировое сияние». Крупный магазин в центре Казани, где мы были вчера.

Пальцы дрогнули, когда я прочитала сумму. Сто пятьдесят тысяч рублей. Браслет из белого золота с сапфирами и бриллиантовой крошкой.

Сердце пропустило удар, а потом забилось часто-часто, отдавая в виски. Через три дня у нас пятнадцатая годовщина. Стеклянная свадьба. Но Глеб всегда знал, что я люблю сапфиры — под цвет моих глаз, как он говорил раньше.

— Боже, какая же я дура, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок вины. — Накрутила себя, придираюсь к духам, подозреваю... А он... он просто готовил сюрприз.

Я аккуратно вложила чек обратно в карман, разглаживая ткань куртки. На душе стало тепло и одновременно стыдно. Глеб всегда был таким — шумным, резким, но способным на широкие жесты. Наверное, он специально вел себя так вызывающе, чтобы я ничего не заподозрила. Творческая натура, вечный ребенок.

За стеной глухо ударили барабаны — проверка звука. Началось.

Я решила выйти из гримерки. Сидеть в четырех стенах, вдыхая остатки того странного парфюма, больше не хотелось. Хотелось увидеть его на сцене, убедиться, что он всё тот же — мой Глеб, мой муж.

Коридоры ДК напоминали лабиринт из советского прошлого: крашенные в жуткий зеленый цвет стены, плакаты с призывами беречь культуру и запах неистребимых хлорки и щей из местной столовой.

Возле выхода на сцену уже стояли техники. Я пристроилась в тени кулис, откуда открывался вид на сцену и часть зала. Зал был полон. Провинция любила рок, пусть и такой, «причесанный», который играла группа Глеба.

— Ирина Сергеевна? А вы чего не в ложе? — раздался за спиной вкрадчивый голос.

Я обернулась. Марина, наша бэк-вокалистка, стояла, прислонившись к дверному косяку. Ей было двадцать четыре, и она была воплощением всего того, что я в глубине души начинала в себе ненавидеть: пухлые губы, полное отсутствие морщинок у глаз и та вызывающая уверенность, которая бывает только у женщин, еще не знающих поражений. На ней было платье моего дизайна, которое я разрешила ей надеть для тура. Сейчас мне показалось, что оно сидит на ней слишком... провокационно.

— Здесь обзор лучше, Марина, — холодно ответила я.

— Ну да, ну да, — она усмехнулась, поправляя микрофон-петличку. — Глеб сегодня в ударе. Прямо искрит. Говорит, энергия сегодня какая-то особенная. Вы идите в зал, посмотрите. Там такое соло будет... Специально для тех, кто понимает в настоящей страсти.

Она сделала шаг ко мне, и я невольно отшатнулась. Запах. Горький апельсин и порошок. Парфюм, похожий на тот, которым утром пользовался Глеб.

Конечно это был не совсем тот запах. Это была его вторая половина. Тягучая, приторная сладость жасмина и ванили, сквозь которую отчетливо пробивался тот же самый специфический, «фирменный» аккорд холодного металла и горького апельсина. Женская версия того самого аромата. Парная коллекция. Такие духи покупают вместе. «Для него» и «Для неё».

В глазах на мгновение потемнело. Тот же производитель.

Та же редкая линейка. «Ребята из группы подарили», — эхом отозвался в голове голос мужа.

Марина заметила мою реакцию, и её улыбка стала еще шире, почти торжествующей. Она мазнула по мне взглядом, в котором читалось неприкрытое сочувствие — самое унижительное, что может получить одна женщина от другой.

— Удачи, Ирина Сергеевна. Не перетруждайтесь, а то выглядите совсем... утомленной.

Она выпорхнула на сцену, покачивая бедрами под ритмичный гул баса.

Я осталась стоять в темноте кулис. Воздух в коридоре вдруг стал таким плотным, что его хотелось раздвигать руками. Чек в кармане куртки больше не казался «спасательным кругом». В голове, как в испорченном калейдоскопе, начали складываться детали: его задержки на репетициях, внезапная смена пароля на телефоне, этот запах, который теперь преследовал меня.

Глеб ударил по тарелкам, и зал взорвался криком. Свет софитов залил сцену, превращая его в кумира, в бога из золотого света и грохота.

Мне стало душно. Не просто душно — я чувствовала, как одежда, которую я сама кроила, начинает меня душить. Швы впивались в кожу, воротничок перехватывал горло.

Мне нужно было выйти. На улицу, на воздух, подальше от этого ритма, который больше не казался мне музыкой.

Я почти бежала по длинному коридору к служебному вхо-

ду. Возле курилки я резко затормозила. Две девицы из местного персонала — кажется, костюмерши или помощницы администратора — стояли у приоткрытого окна, не замечая меня в тени тяжелых портьер.

— Да я тебе говорю, — донесся до меня звонкий шепот. — Сама видела в Казани. Он её в «Сапфир» водил. Вышли оба сияющие. Марина еще хвасталась потом, что браслет — просто отвал башки.

— А жена? Она же с ними в туре, — вторая прыснула, затягиваясь сигаретой.

— Ой, да жена там как декор. Сидит в гримерке, пуговицы пришивает. Глеб её «мамочкой» называет за глаза. Говорит, удобно: и постирает, и погладит, и счета оплатит. А спит он с Маринкой. Она же молодая, звонкая. Не то что эта его... дизайнерша.

Мир вокруг меня не рухнул. Он просто замер, как картинка на паузе. Я смотрела на пятно плесени на потолке и слушала, как за моей спиной разрывается аплодисментами зал, приветствуя человека, который за пятнадцать лет так и не научился быть мужчиной.

Глава 2

Тяжелая портьера, отделявшая закулисы от служебных коридоров, пахла пылью десятилетий и чем-то безнадежно застойным. Я стояла в узком проходе, прижавшись плечом к облупившейся краске стены, и чувствовала, как под подошвами моих туфель вибрирует пол.

Глеб начал свое знаменитое соло. Раньше этот мощный, выверенный ритм заставлял мое сердце биться чаще. Я гордилась им. Я думала: «Это мой мужчина, это его сила». Сейчас каждый удар по бочке отдавался в моих висках пульсирующей болью. Это не была музыка. Это был звук строительного отбойного молотка, который с методичной жестокостью крошил фундамент моего дома. Пятнадцать лет брака превращались в строительный мусор под грохот тарелок.

Мне нужно было уйти. Просто дойти до служебного выхода, глотнуть елабужского воздуха, в котором нет этого липкого запаха измены. Но ноги стали ватными, словно я сама была сшита из плохого, рыхлого трикотажа, который пустил стрелки.

Я двинулась по коридору в сторону женских гримерок. Здесь было тише, звук сцены долетал сюда приглушенным гулом. Дверь под номером восемь была приоткрыта. Из узкой щели на грязный линолеум падал неровный треугольник света.

— Ну, покажи уже! Не томи! — раздался за дверью звонкий, нетерпеливый голос Светки, одной из девчонок из подтанцовки.

Я замерла. Я не хотела быть той женщиной, которая подслушивает у дверей. Это было ниже меня, ниже моего воспитания, ниже моего статуса. Но мое имя, произнесенное следующим, заставило меня встать в пол.

— Тише ты, — это был голос Марины. В нем сквозило ленивое, сытое торжество. — Наша «дизайнерша» где-то поблизости бродит. У неё нюх на неприятности, хотя мозгов, как у курицы.

Раздался щелчок ювелирного футляра.

— О-о-ой... Мамочки... Сапфиры? Настоящие? — Светка едва не взвизгнула. — Марин, это же состояние!

— Глеб сказал, что это только начало, — Марина говорила так, словно обсуждала покупку хлеба, но я буквально кожей чувствовала её самодовольную ухмылку. — Мы вчера в Казани полчаса выбирали. Он хотел взять изумруды, но я сказала, что под мой новый сценический костюм нужны именно эти. Синие, как его глаза, представляешь?

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором встал тот самый чек в кармане куртки Глеба. Сто пятьдесят тысяч. Мои деньги. Деньги, которые я заработала в ателье, засиживаясь над заказами до рассвета, чтобы мы могли позволить себе этот тур, эти новые инструменты, эту иллюзию его успеха. Я платила за подарок для его любовницы.

— Слушай, а он не боится? — голос Светки стал тише, интимнее. — Жена ведь под боком. Она же у него вроде как мозг в семье. Все контракты на ней, всё бабло... Если она узнает, он же с голой пятой точкой останется.

Марина расхохоталась. Этот смех — высокий, переливчатый — больно полоснул меня по нервам.

— Ой, я тебя умоляю! Глеб её «мамочкой» называет. Говорит: «Мамочка поворчит и успокоится». Она слишком выросла в роль его прислуги. Постирает, погладит, расписание составит, счета оплатит... Он для неё как капризный ребенок. Она уверена, что он без неё пропадет, а Глеб этим пользуется. Говорит, что спит с ней только из жалости, чтобы она не истерила. Представляешь, каково это — когда тебя трахают из чувства долга, как старую мебель протирают?

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. «Мамочка». «Старая мебель». Пятнадцать лет я была его музой. Я была женщиной, ради которой он обещал свернуть горы. Оказалось, я была просто «бесплатным приложением» с функциями прачки и бухгалтера.

— Глеб сказал, что дотянет этот тур, — продолжала Марина, и я услышала характерный звук — она, видимо, примеряла браслет, и камни тихонько звякнули о стол. — Ира сейчас на пике вдохновения, шьет ему коллекцию для питерского сольника. Как только всё будет готово и контракты на следующий год подпишут — он подаст на развод. А пока... пока он кормит её сказками про творческий кризис и

депрессию. Она верит! Носится с ним, как с писаной торбой. Дура, какая же она дура...

Я посмотрела на свои руки. На подушечках пальцев еще белел налет от портновского мела. Несколько часов назад я аккуратно наносила им разметку на ткань его нового камзола, вымеряя каждый миллиметр, чтобы всё сидело идеально. Чтобы он выглядел королем.

Мел. Вся моя жизнь за последние годы была написана этим мелом. Легкие, хрупкие линии на поверхности, которые кажутся важными, но стираются одним движением влажной тряпки. Я рисовала наше будущее, я кроила его по лекалам верности и поддержки, а Глеб всё это время просто ждал, когда можно будет смахнуть эту белую пыль и заменить её на что-то более яркое и дешевое.

Мел рассыпался. На моих руках осталась только сухая, безжизненная пыль.

— Ладно, пошли, — Марина поднялась, я услышала шум отодвигаемого стула. — Скоро второй акт, мне надо подкраситься. Глеб обещал сегодня мне подмигнуть во время соло. Люблю, когда он так делает... На глазах у всех, а эта корова в кулисах и не замечает.

Я резко отпрянула от двери, вжимаясь в тень за массивным пожарным щитом. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, оно выбьет ребра. Марина и Светка вышли из гримерки, облако того самого жасминово-металлического парфюма поплыло по коридору, отравляя воздух. Они прошли

мимо, весело переговариваясь, даже не взглянув в мою сторону.

Я стояла в темноте, задыхаясь. Стены ДК, которые раньше казались мне надежными и привычными, теперь словно сжимались, пытаясь раздавить меня. Каждый кирпич здесь был пропитан этой ложью.

«Мамочка поворчит и успокоится».

Внутри меня что-то оборвалось. Не с криком, не с грохотом, а с тихим, сухим звуком лопнувшей перетянутой нити. Такое бывает, когда слишком долго пытаешься подогнать вещь под размер, который ей не подходит. Ткань просто не выдерживает.

Я больше не чувствовала боли. На её место пришла странная, пугающая ясность. Я посмотрела на дверь служебного выхода в конце коридора. Там, за ней, была Елабуга. Старый город, который видел тысячи таких историй. Город, где когда-то жила моя бабушка, где воздух пах сеном и рекой, а не предательством и дешевым вокалом.

Я не пошла в примерку за сумкой. Я не пошла к сцене, чтобы закатить скандал. Я просто двинулась к выходу, стараясь дышать мелко и часто.

На моих пальцах всё ещё был мел. Я потеряла их друг о друга, наблюдая, как белое облачко оседает на пол. Пятнадцать лет жизни стерты. Чертеж аннулирован.

Я толкнула тяжелую дверь. Она поддалась с натужным скрипом, словно неохотно выпуская меня из этого склепа.

Свежий вечерний воздух ударил в лицо. После спертого духа закулисья он показался мне колючим, почти ледяным. Грохот барабанов Глеба мгновенно стал тише, превратившись в невнятное бубнение где-то за спиной.

Я спустилась по облупившимся ступеням крыльца. Ноги сами несли меня прочь от ДК, мимо припаркованных автобусов группы, мимо скользящих водителей. Я шла по разбитому асфальту, и с каждым шагом мне становилось чуть легче дышать.

В голове крутилась только одна мысль. Марина была права в одном — я действительно долго была «мамочкой». Я опекала, защищала, строила и прощала. Но «мамочка» только что уволилась.

Я вышла на освещенную тусклыми фонарями улицу. Впереди была неизвестность, но это была честная неизвестность. Без сапфиров, купленных на мои деньги, и без ритмов, под которые мой муж вытанцовывал мою жизнь.

Я сунула руку в карман и нащупала там маленькую безделушку — кулон, который хранила все эти годы. Гладкий металл успокоил пальцы. Это было единственное, что принадлежало только мне. Без учета Глеба. Без учета его группы. Без учета его бесконечного вранья.

Я подняла голову. В небе над Елабугой зажигались первые звезды. Они были холодными и равнодушными, но они были настоящими. В отличие от софитов, в свете которых Глеб сейчас ломал мою жизнь.

Я пошла вперед, не оборачиваясь. Музыка за моей спиной окончательно затихла. Моя собственная мелодия только начинала звучать — тихая, неуверенная, но уже свободная от фальшивых нот.

Глава 3(Глеб)

(от лица Глеба)

Удар по малому барабану отозвался в груди приятным толчком. Резким, сухим, коротким. Я любил этот звук — он означал, что я здесь главный. Не вокалист с его подведенными глазами, не гитарист, вечно путающийся в шнурах, а я. Ритм — это скелет. Убери меня, и вся эта музыка рассыплется в бесформенную кучу звуков.

Зал в Елабуге ревел. Казалось бы, провинция, ДК с облезлой лепниной, но принимали они так, будто мы — как минимум легенды мирового рока. Свет софитов слепил, выжигая глаза, превращая толпу в единое многоликое нечто. В первых рядах визжали девчонки — совсем молодые, с горящими глазами. Я видел, как они смотрят. Не на палочки в моих руках, а на меня. На мои татуировки, на то, как под кожей перекачиваются мышцы, когда я выдаю дробовой перекат по томам.

Адреналин мешался с запахом разогретого пластика и пота. В такие моменты я чувствовал себя бессмертным.

Где-то там, за кулисами, в пыльной тишине гримерки, наверняка сидела Ира. Я почти видел её: аккуратно сложенные вещи, игольница на запястье, сосредоточенно поджатые губы. Моя «мамочка». Мой вечный, надежный тыл.

Я мельком глянул на часы в углу сцены. Почти финал пер-

вого акта.

Ира была похожа на очень удобный, дорогой кожаный диван. Знаете, такой, который вы выбирали вместе, долго спорили о цвете, а теперь вы просто садитесь на него каждый вечер, даже не глядя. Он мягкий, он привычный, он всегда на своем месте. Вы точно знаете, что он не развалится и не переедет в другую комнату. Но мечтаете вы не о диване. Вы мечтаете о скоростном шоссе и ветре в лицо.

Последние пару лет мне стало невыносимо скучно на этом диване. Ира стала слишком... предсказуемой. Правильной. Её забота начала душить. «Глеб, надень шарф, горло простудишь», «Глеб, не пей холодную воду после репетиции», «Глеб, я подготовила счета, посмотри». Счета, налоги, новые лекала для коллекции... Скука. Серая, липкая скука.

Мне нужна была энергия. Живая, необузданная, злая.

На авансцену вышла Марина.

Она двигалась так, будто в её позвоночник вставили гибкую стальную пружину. Короткое платье — Иркина работа, кстати, — едва прикрывало то, что должно быть прикрыто. Но Марина умела носить его так, что оно выглядело не как одежда, а как вызов.

Она повернулась к залу, вскинула микрофон, и я увидел это.

Вспышка. Ослепительный синий блеск на её тонком запястье. Сапфировый браслет поймал луч прожектора и швырнул его мне прямо в лицо.

Я невольно улыбнулся, не сбивая ритма. Сто пятьдесят косарей. Ирка бы в обморок упала, узнай она цену. Но разве можно измерить деньгами то, как Маринка смотрела на меня в ювелирном в Казани? Как она прижималась ко мне в примерочной, шепча, что я — её личный бог?

Это был мой гонорар. Моя плата самому себе за годы «правильной» жизни. Я мужчина, мне нужно чувствовать, что я еще могу сорвать куш, что я еще интересен кому-то, кроме налоговой инспекции и собственной жены.

Марина обернулась. Она знала, что я смотрю. Она всегда это знала.

Я поймал её взгляд — дерзкий, обещающий, влажный. Сейчас начнется моё соло. Время показать, кто тут на самом деле держит этот зал.

Я начал медленно, нагнетая гул басового барабана, словно приближающийся поезд. Стук, стук, стук. Пульс города. Мой пульс.

В самый пик, когда гитарист замолк, оставив меня один на один с толпой, я выдал такую дробь, что палочки превратились в размытые тени. Драйв захлестнул меня с головой. Я видел, как Марина прикусила губу, глядя на меня.

И в этот момент, прямо в разгар самого сложного перехода, когда я должен был быть максимально сосредоточен, я нагло, открыто подмигнул ей.

Это был наш код. Наше маленькое преступление на глазах у всех. В паре метров от меня, в кулисах, наверняка сто-

или техники, может быть, заглядывал кто-то из персонала. Ира могла быть там. Но мне было плевать. Опасность только добавляла остроты. Это как идти по канату над пропастью: страшно, но так чертовски весело.

Марина ответила мне едва заметной улыбкой и коснулась пальцами сапфирового браслета.

«Твоя мамочка ничего не узнает», — читалось в её глазах.

Да, Ириша не узнает. Она слишком верит в «нас». Слишком верит в те идеалы, которые сама же и придумала. Она живет в мире выкроек и правильных швов, а жизнь — она рвется, Ира. Она рвется по швам, и это самое интересное.

Я чувствовал себя победителем.

Концерт шел к концу. Мы вышли на финал, зал стоял. Я бросил палочки в толпу — одну поймала какая-то девчонка и прижала к груди так, словно это была святыня. Приятно. Чертовски приятно.

Мы ушли за кулисы под несмолкающий гул. Мышцы приятно ныли. Теперь — привычный ритуал.

Сейчас я зайду в гримерку. Ира уже приготовила мне чистое полотенце и бутылку воды комнатной температуры. Не холодную, боже упаси, а то ведь связки! Она поможет мне снять этот тяжелый камзол, разотрет мне спину своими сильными, пахнущими мелом и кремом руками. Я немного поною, пожалуюсь на плохой мониторинг и на то, что сцена в Елабуге — это позор. Она будет слушать, кивать, сочувствовать. Накормит чем-нибудь полезным из контейнера.

А потом, когда она уснет в нашем номере, уверенная, что её большой и сильный муж видит десятый сон, я тихо выскользну в коридор.

У Марины номер в конце крыла. Там не будет полотенец комнатной температуры и разговоров о налогах. Там будет шампанское из горла, смех и та дикая энергия, которой мне так не хватало.

Я шел по коридору, вытирая пот со лба.

Жизнь — отличная штука, если уметь ею пользоваться. У меня есть всё: комфорт и забота дома, драйв и секс на стороне. Ира — мой фундамент, Марина — мой фейерверк. Зачем выбирать что-то одно, если можно забрать всё?

Я толкнул дверь нашей гримерки.

— Ну что, мамочка, видела, как я их сегодня? — громко спросил я, уже предвкушая прохладные руки жены на своих плечах.

Но в гримерке было пусто. Только на вешалке сиротливо покачивался мой запасной костюм, а на столе стоял недопитый стакан воды.

Я нахмурился. Странно. Обычно она всегда ждет меня здесь, как верный Хатико.

— Ир? — позвал я, заглядывая в крошечный санузел.

Тишина. Только старая вентиляция хрипела под потолком.

Я бросил мокрое полотенце на стол. Ну, наверное, пошла в автобус или в отель пораньше, голова разболелась от шу-

ма. Бывает. Даже у идеальных диванов иногда скрипят пружины.

Я усмехнулся своему сравнению, сорвал с себя липкую от пота рубашку и потянулся, чувствуя, как сладко тянет мышцы. Ничего. Сейчас найду её, пусть отрабатывает звание лучшей жены года. Спина сама себя не разотрет.

Я был абсолютно спокоен. Мой мир был прочен, как бетон. И я даже не подозревал, что первая трещина уже победжала по этому бетону, и остановить её будет невозможно.

Глава 4

Каждый шаг по разбитому асфальту за спиной Дома Культуры отдавался во мне странным, почти физическим облегчением. Гул барабанов, который еще минуту назад ввинчивался в мой череп, наконец-то начал затихать, превращаясь в невнятное ворчание старого пса за закрытой дверью.

Воздух Елабуги ввалился в мои легкие колючим комком. Он не был ласковым — осенняя сырость перемешивалась с запахом прелой листвы и тонким, едва уловимым ароматом печного дыма. В этом городе до сих пор топили печи в частном секторе, и этот запах внезапно ударил меня наотмашь, сильнее, чем подслушанный разговор в гримерке.

Я шла, не разбирая дороги. Мои туфли на тонкой подошве совершенно не подходили для прогулок по провинциальному бездорожью, но я не чувствовала дискомфорта. Моя кожа внезапно стала мне тесна. Знаете это чувство, когда вы долго носите вещь на размер меньше, стараетесь дышать вполсилы, чтобы не лопнули швы, а потом вдруг срываете её с себя? Вот так я себя чувствовала. Пятнадцать лет я кроила себя по лекалам Глеба. Подрезала здесь, ушивала там, вытачивала идеальный силуэт «жены рок-звезды». А сегодня ткань просто гнило хрустнула и разошлась, обнажив всё то, что я так старательно прятала даже от самой себя.

Я свернула в какой-то узкий переулок. Фонари здесь го-

рели через один, выхватывая из темноты резные палисады и приземистые купеческие особняки, которые в сумерках казались декорациями к забытой пьесе.

«Мамочка поворчит и успокоится».

Фраза Марины крутилась в голове, как заезженная пластинка. Я остановилась, прислонившись лбом к холодному дереву старого забора. Шершавая поверхность занозила кожу, но это было реально. Это было правдой. В отличие от сапфирового браслета, купленного на мои деньги, и в отличие от «творческого кризиса» моего мужа.

Я подняла голову и огляделась. Странно. Этот поворот, этот накренившийся сарай в глубине двора и даже эта старая водоразборная колонка, покрытая ржавчиной, — всё это вдруг начало проступать сквозь туман лет.

Я знала этот город. Не из путеводителей, которые я лениво пролистывала в автобусе, а откуда-то из глубины своего позвоночника.

Мне пять. Нет, почти шесть.

Вспышка памяти была такой яркой, что я почти почувствовала на губах вкус спелой черемухи. Бабушка. Мария Ивановна. Она жила здесь, в одном из этих домиков, затерянных в кружеве елабужских улиц. Родители привозили меня сюда всего на одно лето, последнее перед тем, как её не стало. Но это лето врезалось в меня намертво.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором возникли бабушкины руки — натруженные, с выступающими венами,

пахнущие мукой и сушеной травой. Она называла меня «Иришка-золотишко» и никогда не требовала, чтобы я была удобной. Она просто любила. Без условий. Без контрактов. Без необходимости пришивать пуговицы к чужому успеху.

Почему я забыла это? Почему позволила Глебу вытеснить из моей головы всё, что не касалось его группы, его райдеров и его амбиций?

Я пошла дальше, ведомая каким-то внутренним навигатором. Ноги сами вынесли меня к пустырю, который когда-то казался мне бескрайним полем. Сейчас это был просто заброшенный участок, заросший бурьяном.

Именно здесь это случилось.

Жаркий июльский полдень. Я, в коротком ситцевом платье, забрела слишком далеко от дома, преследуя какую-то особенно яркую бабочку. И вдруг тишину разорвал лай. Стоя бродячих псов — три или четыре огромных тени — выросли передо мной как из-под земли. Я помню этот парализующий ужас, когда ты такая маленькая, а мир внезапно обнажает клыки. Я даже крикнуть не могла. Просто стояла и смотрела, как вожак, грязно-рыжий кобель с разорванным ухом, пригибается к земле для прыжка.

И тогда появился он.

Мальчишка. Он выскочил откуда-то из-за зарослей малины. Лет восьми-девяти на вид, худой, с ободранными коленями, но с глазами, в которых не было ни капли сомнения. Он не стал звать взрослых. Он просто схватил какую-то пал-

ку и встал впереди меня.

— А ну пошли вон! — крикнул он, и в его голосе было столько яростной силы, что псы опешили.

Он швырял в них камни, он размахивал своей палкой, заслоняя меня собой. Он был моим личным рыцарем в лиялой майке. Когда стоя, ворча и оглядываясь, отступила в овраг, он обернулся ко мне.

Я не помнила его лица — память стерла черты, оставив только ощущение абсолютной безопасности. Он подошел, вытер грязную руку о шорты и протянул мне кулак.

— На, держи. Это секретик. Он волшебный, — сказал он серьезно.

В мою ладошку скатилось старое серебряное колечко. Потемневшее от времени, с каким-то странным узором, больше похожее на деталь от старого механизма, чем на украшение. Оно было нанизано на обычный кожаный шнурок.

Я до сих пор помню тепло его руки. Тот мальчик защитил меня просто так. Потому что я была маленькой и мне было страшно. Он не просил меня «соответствовать», не требовал благодарности и не называл «мамочкой».

Я непроизвольно коснулась воротника своего жакета. Под тонким шелком блузки, прямо на коже, я чувствовала знакомый холод.

Когда я уходила из гримерки, я не взяла сумку. В ней остался телефон, кошелек с золотыми картами, паспорт... Всё, что связывало меня с Ириной Егоровой, успешным ди-

зайнером и женой известного барабанщика. Но кулон я не снимала никогда.

Глеб всегда бесился из-за этой «безделушки».

— Ира, ну что за цыганщина? — морщился он, когда мы собирались на очередной светский раут. — У тебя есть жемчуг, есть то кольцо от Тиффани, которое я... то есть, которое мы купили на премию. Зачем ты тащишь на шею этот старый кусок лома?

Он пытался сорвать его несколько раз, в шутку или в раздражении. Но я стояла насмерть. Я и сама не могла объяснить, почему эта вещь мне так дорога. Теперь, стоя на темной улице Елабуги, я поняла. Этот кулон был единственным мостиком к той Иришке, которая знала, что такое настоящая защита. Не финансовая, не статусная, а та, что идет от сердца к сердцу.

Я достала серебряное кольцо на цепочке и сжала его в кулаке. Металл почти мгновенно согрелся, словно узнав меня.

«Ты не одна, Иришка», — будто прошептал голос бабушки в шелесте опавших листьев.

Я почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Одна-единственная, горькая и обжигающая. Она смыла последние остатки того грима, который я носила пятнадцать лет.

Куда мне идти? Денег нет, связи нет. Вернуться в отель? Глеб наверняка уже там, или скоро будет. Он начнет свою привычную игру: сначала будет злиться, что я не растерла

ему спину, потом начнет давить на жалость, а если я заикнусь о Марине — выставит меня сумасшедшей истеричкой. Я видела это сотни раз у других пар. Я знала сценарий.

Но сегодня сценарий писала не я. Его писала сама жизнь, и она вела меня прочь от Глеба.

Я вышла к набережной. Здесь, у обрыва к Каме, ветер дул сильнее, заставляя меня кутаться в жакет. Елабужская набережная Шишкина была удивительно красивой в этот час. Тусклые фонари отражались в темной воде, создавая иллюзию бездонности. Город за моей спиной затихал, погружаясь в сонную провинциальную дрему, а впереди расстилось пространство, свободное от ритмов Глеба.

Вдалеке, под одним из фонарей, я заметила темный силуэт. Человек стоял неподвижно, склонившись над чем-то, что напоминало треногу.

В любой другой ситуации я бы испугалась — одинокая женщина ночью на безлюдной набережной. Но сейчас страха не было. Было только странное, сосущее чувство под ложечкой, словно я шла на свидание с собственной судьбой, которую пропустила тридцать лет назад.

Я поправила цепочку на шее, чувствуя, как серебряный «секретик» мерно бьется в такт моему сердцу. Оно больше не болело. Оно просто ждало.

Мои шаги по гранитной плитке набережной звучали неожиданно твердо. Я шла к свету фонаря, оставляя за спиной всё, что считала своим миром. Там, в ДК, Глеб, возмож-

но, как раз сейчас подмигивал Марине, уверенный в своем всевластии. Но его власть закончилась там, где начался елабужский воздух.

Глава 5

Одинокий фонарь на набережной Шишкина казался маленьким маяком в океане елабужской тьмы. Желтый круг света падал на гранитную плитку, выхватывая из небытия старую чугунную скамью и человека, замершего перед мольбертом. Вокруг — ни души. Только густой, почти осязаемый туман поднимался от Камы, окутывая берег ватным одеялом и приглушая редкие звуки спящего города.

Я подходила медленно, стараясь, чтобы стук моих каблучков не звучал слишком вызывающе в этой оглушительной тишине. После грохота ДК, после ядовитых слов Марины и циничного ритма Глеба, это место казалось мне святилищем. Здесь пахло не предательством, а мокрой землей, рекой и — неожиданно — скипидаром и масляными красками.

Мужчина не обернулся на мои шаги, но я видела, как напряглись его плечи под плотной курткой цвета хаки. Он сделал резкий, уверенный мазок кистью, словно отсекая лишнее от реальности.

— Знаете, — заговорил он, и его голос, низкий, с легкой хрипотцой, идеально вписался в шум ветра, — в таком свете Елабуга кажется порталом в другое измерение. Вы тоже решили сбежать из своего мира?

Я остановилась в нескольких шагах от него. Станный вопрос. Но еще более странным было то, что он попал в самую

цель. Мой мир действительно остался там, за кирпичными стенами ДК, рассыпавшись на мелкие, острые осколки.

— Мой мир только что перестал существовать, — ответила я. Голос прозвучал хрипло, будто я долго кричала, хотя на самом деле я не проронила ни звука с того момента, как вышла из коридора. — Я просто ищу, где начинается новый.

Он наконец отложил кисть и обернулся. В желтом свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня: резкие скулы, прямой нос, внимательные, глубоко посаженные глаза. Ему было около сорока. В его облике не было ничего от той столичной холёности, к которой я привыкла. Это было лицо человека, который много времени проводит на воздухе и не боится смотреть правде в глаза.

— Меня зовут Ильнур, — просто представился он. Взгляд его скользнул по моему лицу, задержался на растрепанных ветром волосах и спустился к сжатым кулакам. — Садитесь, незнакомка. Ваша «точка перехода» выглядит очень утомительной.

Я опустилась на скамью. Тело внезапно стало тяжелым, словно на плечи накинули свинцовое покрывало. Ильнур не стал задавать лишних вопросов. Он просто сменил подрамник с холстом на планшет с плотной бумагой и взял угольный карандаш.

— Я не в том виде, чтобы позировать, — слабо возразила я, кутаясь в жакет. — У меня... не то настроение.

— Настроение — это для открыток, — он быстро набро-

сал первые контуры, не сводя с меня глаз. — А для портрета нужна правда. Тьма вокруг вас сейчас очень живописная. В ней есть что-то... окончательное.

Я замолчала. Скрип угля по бумаге действовал гипнотически. Это был совсем другой ритм. Не агрессивный стук палочек Глеба, требующий внимания и обожания, а тихий, созидательный шорох. Ильнур работал молча, лишь изредка бросая на меня быстрые, пронзительные взгляды. Я чувствовала себя так, словно с меня снимали слой за слоем: дорогой жакет, профессиональную маску «жены успешного человека», защитную броню.

В какой-то момент я не выдержала и коснулась цепочки на шее, пряча под ладонью серебряное кольцо-кулон. Старый металл под пальцами был горячим.

— Вы не местная, — это было не вопрос, а утверждение. — Но Елабуга вас приняла. Вы дышите с ней в одном темпе.

— Я была здесь в детстве, — тихо произнесла я, глядя на темную воду Камы. — Очень давно. Кажется, в другой жизни. Тогда мне казалось, что это самое безопасное место на земле.

— Город помнит всё, — Ильнур сделал несколько мягких штрихов, растушевывая уголь пальцем. Его руки были в пятнах краски, с короткими чистыми ногтями — руки рабочего, а не баловня судьбы. — Он возвращает нам нас самих, когда мы окончательно теряемся. Главное — не спугнуть это чувство.

Мы просидели так минут двадцать. За это время туман стал еще гуще, поглотив основание фонаря, и теперь мы словно парили в невесомости. Я поймала себя на мысли, что мне не хочется уходить. Здесь, под пристальным взглядом этого молчаливого художника, я впервые за много лет не должна была «соответствовать». Я могла быть просто женщиной, у которой внутри выжженная пустыня.

Ильнур внезапно остановился. Он долго смотрел на рисунок, потом перевел взгляд на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие, но без той унижительной жалости, которую я видела у Марины.

— Странно... — произнес он тише. — У вас глаза человека, который только что потерял дом, хотя стоит на родной земле.

Меня словно хлестнули по лицу ледяной водой. Горло перехватило. Дом. У меня больше нет дома. Та квартира в Петербурге, где я подбирала каждую вазу, каждый оттенок штор, — теперь просто декорация к чужой пьесе. А человек, который должен был быть моим домом, оказался его разрушителем.

— Вы слишком проницательны для простого художника с набережной, — я постаралась, чтобы голос не дрогнул.

— Простых художников не бывает, — он усмехнулся, обнажая ровные зубы. — Бывают те, кто разучился видеть.

Ильнур снял лист с планшета и протянул его мне.

Я взяла рисунок. Пальцы слегка дрожали. С бумаги на ме-

ня смотрела женщина. На ней был мой жакет, мои волосы были убраны за уши так же, как у меня, но это была не та Ирина, которую я видела в зеркале гримерки. Ильнур нарисовал мою надломленность. Каждая линия, каждый акцент угля передавали ту невидимую тяжесть, которая придавливала меня к скамье. Но в её взгляде — в моем взгляде на бумаге — была не только боль. Там было какое-то упрямое, почти яростное ожидание рассвета.

— Это... очень сильно, — прошептала я. — Спасибо.

— Это просто отражение, — Ильнур начал собирать свои принадлежности. — Послушайте, Ирина... Вы ведь Ирина? Я видел афиши группы, которая сегодня выступает. Вас сложно не заметить в толпе техников.

Я кивнула, не удивляясь тому, что он меня узнал. В маленьком городе всё на виду.

— Сейчас вам нужно вернуться, — он посмотрел в сторону центра города, где в небе еще дрожали отсветы сценических огней. — Но если станет совсем душно... если поймете, что стены отеля на вас давят — звоните.

Он перевернул рисунок и прямо на обороте размашисто написал номер телефона угольным карандашом.

— Зачем? — я подняла на него взгляд.

— Я знаю, где здесь самый чистый воздух, — Ильнур закинул сумку на плечо. — И я могу показать вам настоящую Елабугу. Ту, которую не показывают туристам и которую не заглушают барабаны.

— Я... мне, наверное, не стоит, — я замялась, вспомнив, что у меня нет с собой даже телефона. — Мой телефон остался в ДК.

— Запомните номер, — он улыбнулся, и эта улыбка была удивительно теплой. — Или просто приходите сюда. Я здесь почти каждую ночь.

— Почему вы помогаете мне? — я встала, прижимая рисунок к груди. — Мы ведь даже не знакомы.

Ильнур на мгновение замер, глядя на туман над рекой.

— Иногда мы встречаем людей не для того, чтобы завести знакомство, а для того, чтобы вспомнить что-то важное о себе. Доброй ночи, Ирина. Не дайте им погасить ваш свет. Он у вас редкого качества.

Он развернулся и быстро зашагал в сторону города, растворяясь в тумане. Я осталась стоять у фонаря, сжимая в руках лист бумаги.

Реальность начала возвращаться рывками. Холод пробрался под жакет, ноги заныли от усталости. Нужно было идти назад. В ту самую гостиницу, где Глеб, вероятно, уже искал меня, раздувая ноздри от гнева из-за того, что некому подать ему полотенце.

Я пошла по набережной, стараясь держаться освещенных мест. У меня не было денег на такси, не было связи, но внутри, за ребрами, теплилось странное чувство. Как будто тот мальчик из детства снова сунул мне в руку «секретик», и теперь я была не так беззащитна.

Огни гостиницы «Тойма» показались впереди бездушными желтыми глазами. Я знала, что за дверью нашего люкса начнется ад. Глеб будет кричать, будет обвинять меня в безответственности, будет лгать, глядя прямо в глаза. И мне придется играть свою роль. Последнюю роль в этом затянувшемся спектакле.

Я остановилась перед входом, пригладила волосы и спрятала рисунок Ильнура под жакет, прижав его к самому сердцу.

«Дом потеряян, но я стою на родной земле», — вспомнила я слова художника.

Я толкнула стеклянную дверь и шагнула в вестибюль. Портье проводил меня удивленным взглядом — растрепанная женщина с дикими глазами явно не вписывалась в образ жены рок-звезды. Но мне было плевать.

Я поднялась на лифте на четвертый этаж. У двери номера я замерла на секунду, сжимая в кармане цепочку с кулоном.

— Ну, господин барабанщик, — прошептала я, нажимая на ручку двери. — Шоу продолжается. Но теперь сценарий пишу я.

Я вошла внутрь. Глеб сидел в кресле, он уже успел переодеться в домашнее, но на лице его застыла маска праведного возмущения. На столе стоял початый виски.

— Где тебя черти носили, Ира?! — рявкнул он, вскакивая. — Ты телефон в гримерке бросила, сумку бросила! Ты хоть понимаешь, как я перенервничал? У меня спина отва-

ливается, я весь вечер тебя жду, как дурак!

Я посмотрела на него — на его холеное лицо, на капризно выпяченную губу, на всю эту ложь, которая сочилась из каждой его поры. И вдруг мне стало его жаль. Он даже не понимал, что человек, которого он сейчас пытается растоптать, больше ему не принадлежит.

— Я просто гуляла, Глеб, — спокойно ответила я, проходя мимо него к окну. — Дышала воздухом. В этом городе он особенный. Тебе стоит попробовать.

Я не обернулась, но почувствовала, как он замер за моей спиной, озадаченный моим спокойствием. Глава моей старой жизни была закончена. Впереди был рассвет, и я знала, что встречу его не здесь.

Глава 6

Последний удар по тарелкам еще вибрировал в воздухе, а я уже чувствовал, как по позвоночнику стекает ледяная струйка пота. Кайф. Настоящий, густой, мужской кайф. Зал бесновался, выплескивая остатки восторга, и я впитывал этот шум каждой порой. Это был мой наркотик, моя персональная доза, ради которой стоило трястись в гастрольном автобусе по разбитым дорогам Татарстана.

Я бросил палочки технику — тот поймал их на лету с подбострастной миной — и спрыгнул с подиума. Мышцы налились свинцом, в ушах стоял ровный, высокий звон, а во рту пересохло так, будто я полдня жевал солому.

Сейчас. Еще пара шагов — и я в кулисах. Там должна стоять Ира.

Она всегда там стояла. Маленький островок стабильности в этом хаосе. С бутылкой воды комнатной температуры («Связки, Глеб, береги связки!»), с мягким серым полотенцем и тем самым взглядом, в котором мешалось обожание и легкий упрек за то, что я опять «выложился сверх меры».

Я вышел за тяжелый занавес, обдавший меня запахом вековой пыли, и... наткнулся на пустоту.

Возле технического выхода стоял только гитарист Макс, жадно припавший к пол-литровой банке энергетика.

— Отработали, а? — Макс вытер губы рукавом. — Ела-

буга дает жару.

— Видел Иру? — я нахмурился, оглядываясь.

— Не-а. Может, в гримерке? Она там что-то строчила перед концертом. Слушай, Глеб, мониторы сегодня — просто дно, я себя вообще не слышал...

Я не стал дослушивать нытье Макса. Развернулся и быстрым шагом направился к нашей гримерке. Раздражение начало закипать где-то под ребрами. У меня спина горит так, будто туда залили расплавленное олово, мне нужно, чтобы она помогла снять этот дурацкий камзол — Ирка сама настояла на этой плотной ткани, «для образа», а теперь я в нем как в сауне.

Я толкнул дверь гримерки плечом.

— Ир, ну ты где пропала? Вода где? Я пить хочу так, что...

Тишина.

Гримерка встретила меня холодным светом люминесцентных ламп. Никого. На столе — её швейные принадлежности, какие-то обрезки шелка, игольница... Моя кожаная куртка валялась на полу в углу, хотя я точно помнил, что бросал её на кресло. Странно. Ира терпеть не могла беспорядок. Обычно она сразу всё развешивала, разглаживала, раскладывала по линеечке.

Я поднял куртку, отряхнул её. Внутри кольнуло нехорошее предчувствие, но я тут же его задавил. Наверняка пошла в ближайший киоск за своими «очень важными» журналами или за какой-нибудь особенной тесьмой. Женщины. У них

вечно семь пятниц на неделе. Даже у моей идеальной Ирочки.

На столике, рядом с зеркалом, лежала её сумка. Элегантная, из гладкой кожи — работа её собственного ателье «Egorova Design». Рядом — смартфон.

Я взял телефон. Экран ожил, требуя пароль. 15-09. Дата нашей свадьбы. Я усмехнулся. Ира никогда не меняла пароли, была в этом плане удивительно консервативной. Ни одного пропущенного звонка, только пара уведомлений от её помощницы из Питера.

Значит, ушла без телефона. И без сумки.

— Ну и где тебя черти носят, Егорова? — проворчал я в пустоту комнаты.

Я сел в кресло, пытаюсь дотянуться до молнии на спине камзола. Бесплезно. Этот дизайнерский шедевр был рассчитан на то, что его будет снимать кто-то другой. То есть она.

Минута, три, пять. Тишина гримерки начинала давить. Звон в ушах сменился тяжелой пульсацией. Гнев медленно вытеснял усталость. Это было просто невысмыслимо! Я выложился на сцене, я принес в этот ДК драйв, я — звезда этого вечера, а моя жена, мой «менеджер по уюту», просто испарилась в самый ответственный момент!

Я ведь просил её сегодня: «Ириш, спина будет ныть, приготовь мазь». И что? Где мазь? Где её руки?

В дверь осторожно постучали.

— Мамочка, это ты? Заходи, не заперто! — рывкнул я, уже готовясь высказать ей всё, что думаю об этом «демарше».

Но вместо Ирины в дверях показалась Марина.

Она уже успела скинуть сценическое платье, сменив его на короткий шелковый халатик изумрудного цвета. На её тонком запястье, которое она изящно положила на дверную ручку, ослепительно сверкнул сапфировый браслет. Тот самый. Мой подарок.

Я почувствовал, как внизу живота привычно потянуло. Марина была как глоток холодного шампанского после тяжелой смены на заводе. Игристая, колючая и бьющая в голову.

— Оу... — Марина картинно округлила глаза, оглядывая пустую комнату. — А где наша главная по тылу? Неужели Ирина Сергеевна оставила своего чемпиона без присмотра?

— Не знаю, — буркнул я, пытаюсь скрыть досаду. — Ушла куда-то. Даже телефон бросила.

Марина вошла в примерку, мягко покачивая бедрами. От неё пахло тем самым сладким жасмином, который я купил ей в паре к своим новым духам. Аромат измены, который кружил мне голову последние три месяца.

— Какая досада, — Марина подошла ко мне со спины. Её прохладные пальцы коснулись моей шеи, скользнули по загривку. — А я-то думала, тебя уже всюю обхаживают. Ты был сегодня невероятным, Глеб. Соло — просто космос. Я там, на сцене, чуть сознание не потеряла от этого ритма.

Она склонилась к моему уху, обдав его горячим дыхани-

ем.

— Может, я смогу заменить её? Хотя бы на время?

— Спина болит, Марин, — я прикрыл глаза, поддаваясь её ласкам. — Ира обещала растереть, но её нет.

— Я умею растирать гораздо интереснее, чем она, — прошептала Марина. — И у меня в номере есть лед. И виски. Настоящий, из дьюти-фри. Макс предлагал отметить концерт, но я сказала, что устала. Для него — устала. А для тебя...

Она прикусила мочку моего уха, и я почувствовал, как остатки здравого смысла улетают в трубу.

Да, Ира поступила некрасиво. Она бросила меня в тот момент, когда была мне нужна. Она знала, как важен для меня этот концерт. Это был акт вопиющего пренебрежения. Значит, я имею полное право на компенсацию. В конце концов, я мужчина. Мне нужна энергия, а не это вечное «Глеб, надень шарф».

Я посмотрел на телефон Ирины, лежащий на столе.

«Пусть понервничает, — зло подумал я. — Придет в пустую примерку, найдет свой мобильник и поймет, что мир не вращается только вокруг её желаний. Пусть посидит одна, пока я буду „лечить спину“».

— Пойдем, — я резко встал, перехватывая руку Марины. — Только помоги мне с этой проклятой молнией.

— С удовольствием, котик, — она хихикнула, и её пальцы ловко поползли вниз по моей спине.

Через десять минут мы уже выходили из ДК через чер-

ный ход. У входа стояло такси — Марина была предусмотрительна, за что я её и ценил. В ней не было этой иркинской тяжеловесной правильности. Она была легкой. Как пена на прибое.

Пока машина везла нас к гостинице «Тойма», я смотрел на мелькающие огни Елабуги. Городишко как городишко. Темные улицы, редкие прохожие. Где-то там сейчас бродит моя жена, изображая из себя загадочную натуру. Ну-ну.

Я достал свой телефон и демонстративно перевел его в режим «Не беспокоить».

— Всё правильно, — Марина прижалась к моему плечу, поглаживая сапфировый браслет. — Настоящие звезды должны отдыхать красиво. А проблемы... проблемы пусть подождут до утра.

Я кивнул, вдыхая её приторный парфюм. Где-то на задворках сознания еще царапалась мысль: «А вдруг с ней что-то случилось? Вдруг ей плохо?». Но я тут же её задавил. Ира — взрослая, расчетливая женщина. С ней ничего не может случиться в этом тихом городке. Скорее всего, просто решила показать характер. Показать, какая она незаменимая.

«Ошибаешься, Ириша, — подумал я, когда лифт гостиницы пополз вверх. — Незаменимых у нас нет. Есть только те, кто вовремя оказывается рядом».

Дверь номера Марины захлопнулась, отсекая весь мир. И в этом мире больше не было места «мамочке», считаю, тканям и пятнадцатилетнему браку. Только ритм, который я вы-

бирал сам.

Я не знал, что в этот самый момент на набережной Елабуги другой мужчина рисует портрет моей жены. И я даже представить не мог, что это — последний вечер в моей жизни, когда я еще мог называть Ирину Русакову своей.

Осечка. Я думал, что стреляю в её гордость, а на самом деле — нажал на курок, направив ствол в собственное сердце. Но пока... пока виски в бокале Марины приятно охлаждал пальцы, и я чувствовал себя королем этой ночи.

Глава 7

Елабужский воздух, еще полчаса назад казавшийся мне целебным, теперь обжигал горло холодом. Я шла по темным улицам, прижимая к себе папку с рисунком Ильнура, словно это был единственный щит, способный защитить меня от надвигающейся лавины.

Дом Культуры встретил меня гулким эхом и суетой техников на заднем дворе. Группа Глеба уже закончила паковать мелкое оборудование, и теперь огромный черный трейлер заглатывал кейсы, как доисторический ящер. Никто не обратил на меня внимания — я была для них частью привычного ландшафта, предметом мебели, который перемещается сам по себе.

В примерке было пусто и неуютно. Свет люминесцентных ламп безжалостно высвечивал каждую пылинку, каждый обрывок нитки на полу. Моя сумка лежала на столе точно там, где я её оставила. Рядом — телефон, экран которого светился от уведомлений.

Я не стала их читать. Я знала, что там нет главного — звонка от мужа с вопросом: «Ира, ты где?».

Мой взгляд упал на кресло. Глеб в спешке всё-таки бросил здесь свою куртку, в которой я нашла чек. Видимо, Марина так активно тянула его в «праздничную ночь», что он забыл даже про верхнюю одежду. Я подошла к куртке, чув-

ствуя, как пальцы немеют. Засунула руку в карман и вытянула хрусткую бумажку.

«Сапфировое сияние». Сто пятьдесят тысяч рублей.

Я аккуратно сложила чек и спрятала его в потайной карман сумки, туда же, где лежал рисунок художника. Это были два разных мира. Один — бумажный, лживый, пахнущий дорогим парфюмом и предательством. Второй — угольный, честный, пахнущий речным туманом.

Гостиница «Тойма» встретила меня тишиной пустого холла и сонным взглядом дежурной. Поднимаясь в лифте на четвертый этаж, я рассматривала свое отражение в зеркальной панели. Бледная женщина с прямой спиной. Ирина Сергеевна Егорова. Дизайнер. Жена.

Нет. Русакова. Я снова Ирина Русакова. Фамилия мужа вдруг стала казаться мне тяжелым, плохо скроенным пальто, которое мешало дышать.

Наш номер встретил меня идеальным порядком и запахом Глеба. Того самого нового парфюма, который теперь вызывал у меня тошноту. Кровать была не заправлена — он валялся здесь после концерта, прежде чем уйти. Я вошла в спальню, включила ночник. Пусто.

Я не стала садиться. Не стала плакать. Время слез закончилось там, на набережной. Сейчас во мне работала холодная, расчетливая машина, которую я сама в себе вырастила за годы управления бизнесом.

Я знала, где он. Марина не из тех, кто прячется. Она хищ-

ница, которая помечает территорию. В коридоре четвертого этажа было тихо, только ворс ковровой дорожки глушил мои шаги. Номер 412 находился в самом конце. Из-за двери доносился приглушенный женский смех и звон стекла.

Я остановилась перед дверью. Рука сама потянулась к ручке. Я не надеялась, что она будет заперта. Марина хотела, чтобы её триумф был явным. Она хотела, чтобы «мамочка» пришла и увидела. Что ж, я не привыкла разочаровывать людей.

Ручка мягко поддалась. Дверь открылась без единого скрипа.

Номер Марины был залит теплым вечерним светом. На столе стояла бутылка виски и два бокала. Глеб сидел на диване, расслабленный, в расстегнутой на три пуговицы рубашке. Марина устроилась на подлокотнике, перебирая его волосы.

В свете лампы её запястье вспыхнуло ярко-синим огнем. Сапфиры. Те самые. Они смотрелись на ней вульгарно, как и всё в этой комнате.

— ...а она такая: «Глеб, надень шарф!», — Марина зашла в мелком, противном смешке. — Представляешь, Глеб, она реально думает, что ты без неё даже дорогу через улицу не перейдешь.

Глеб хохотнул, притягивая её за талию.

— Она просто привыкла всё контролировать, Марин. Дизайнерская деформация. Вся жизнь по линейке...

Я шагнула внутрь, закрывая за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел в этой уютной атмосфере измены.

Глеб дернулся, едва не уронив бокал. Марина замерла, её рука так и осталась в его волосах. В её глазах на мгновение мелькнул испуг, который тут же сменился колючей, вызывающей дерзостью.

— Ира? — Глеб вскочил, лихорадочно пытаюсь застегнуть рубашку. Его лицо в считанные секунды сменило цвет с самодовольно-розового на землисто-серый. — Ты... ты как здесь? Я тебя искал! Ты телефон бросила, я с ног сбился...

— Искал? — я прошла в центр комнаты. Мой голос звучал так ровно, что я сама себе удивилась. Ни одной дрожащей ноты. Лед. — Вижу, поиски увенчались успехом. Ты нашел самое ценное, что у нас было, Глеб. В чужой постели.

— Ира, это не то, что ты думаешь, — он сделал шаг ко мне, выставив руки вперед, словно пытался защититься. Старая, избитая фраза, от которой меня едва не передернуло. — Мы просто... мы просто обсуждали новый трек. Марина переволновалась после концерта, я зашел её поддержать.

— Трек? — я перевела взгляд на запястье вокалистки. — С сапфировым аккомпанементом?

Марина, почувствовав, что ситуация накаляется, демонстративно вытянула руку, любясь браслетом.

— А что такого, Ирина Сергеевна? Глеб ценит своих сотрудников. Это просто премия за удачный тур.

— Премия? — я открыла сумку, достала чек и медленно, почти торжественно положила его на стол рядом с бутылкой виски. — Тогда ты забыл отдать ей квитанцию, Глеб. Чтобы она знала точную цену твоей «благодарности». Сто пятьдесят тысяч из бюджета моего ателье. Из тех денег, которые были отложены на зарплаты швеям.

Глеб посмотрел на чек, потом на меня. В его глазах отразилась паника. Он понял, что я видела не только это. Что я слышала всё.

— Ириш, ну послушай... — он попытался взять меня за руку, но я отступила.

— Не смей, — отсекла я. — Твои руки пахнут ею. И ложью. И этим дешевым парфюмом, который вы купили парой.

Я посмотрела на Марину. Та сидела, скрестив ноги, и в её взгляде больше не было страха. Только торжество. Она получила то, что хотела. Она разрушила.

— Ты права, Марина, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — Я действительно была для него «мамочкой». Я вытирала ему слезы, я строила его карьеру, я создавала ему образ рок-звезды из обычного инфантильного барабанщика. Но мамочки иногда увольняются. И сегодня — мой последний рабочий день.

Я повернулась к Глебу. Он стоял, понутив плечи, и выглядел сейчас таким жалким, что мне стало тошно. Где тот «бог ритма», который подмигивал ей со сцены? Передо мной был просто немолодой мужчина, совершивший самую большую

глупость в своей жизни.

— Развод будет в Питере, — произнесла я. — Твоего участия не потребуется, юристы всё сделают сами. А сейчас...

Я сделала паузу, чувствуя, как внутри меня окончательно застывает бетонная плита.

— Чемодан в руки, Глеб. И барабан на шею. Чтобы я тебя в нашем номере через пять минут не видела. Спи где хочешь. Хоть в трейлере с инструментами, хоть здесь. Ты ведь так хотел свободы? Поздравляю. Ты свободен. От меня, от моих денег, от моего ателье и от нашего будущего.

— Ира, ты не можешь так... — пролепетал он. — Мы же пятнадцать лет... Нам нужно поговорить!

— Мы говорили пятнадцать лет, Глеб. Но ты слушал только свои барабаны. А теперь послушай тишину. Тебе она очень скоро надоест.

Я развернулась и вышла из номера. Дверь закрылась за моей спиной с легким щелчком, который для меня стал звуком финишного створа.

Я шла по коридору, и с каждым шагом мне становилось всё легче. В моем номере меня ждали пустые чемоданы и целая жизнь, которую нужно было перекроить заново.

Глеб не вышел за мной. Он остался там. С Мариной, с виски и со своим сапфировым позором.

Я зашла в наш номер, закрыла дверь на засов и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось, но это был не страх. Это был ритм новой жизни.

Я достала из сумки рисунок Ильнура. Женщина на бумаге смотрела на меня с надеждой.

— Ну вот и всё, Иришка, — прошептала я, открывая первый пустой чемодан. — Теперь мы шьем только для себя.

В эту ночь я не спала. Я паковала вещи — методично, спокойно, аккуратно складывая ткани и лекала. Глеб несколько раз скребся в дверь, что-то шептал, просил открыть. Я даже не подошла.

Для меня его больше не существовало. Был только шум дождя за окном и чистый лист бумаги в моей голове, на котором я собиралась нарисовать свое новое завтра. Без фальшивых нот и чужих ритмов.

Глава 8

Рассвет вползал в номер гостиницы «Тойма» медленно и неохотно, словно ему тоже было тошно находиться в этой комнате, пропитанной запахом лжи и осевшей пыли. Свет был серым, болезненным. Он выхватывал из темноты мои чемоданы — два черных монолита, набитых остатками моей прежней жизни.

Я не спала. Сидела в кресле у окна, завернувшись в гостиничный халат, который колот кожу, и смотрела, как просыпается Елабуга. Внизу, на парковке, уже заводились моторы трейлеров. Группа Егорова готовилась к переезду в следующий город.

Тихий шорох у двери заставил меня напрячься. Я не обернулась. Я знала этот звук — осторожный, заискивающий шаг человека, который надеется, что буря утихла сама собой.

— Ириш... — голос Глеба был сиплым, прокуренным и совершенно жалким.

Я продолжала смотреть в окно. В утренних сумерках Кама казалась полосой застывшего свинца.

— Ира, ну хватит. Я всю ночь просидел в коридоре. Как собака, честное слово.

— Собаки вернее, Глеб, — спокойно ответила я, не меняя позы. — Не оскорбляй животных сравнением с собой.

Послышался тяжелый вздох. Он вошел в комнату, и я физически ощутила, как пространство вокруг него стало тяжелым и грязным. Он подошел ближе, остановился в двух шагах. Я чувствовала запах виски и тот самый тошнотворно-сладкий шлейф Марининых духов.

— Послушай, я вчера... я просто перебрал. Этот концерт, нервы, адреналин. Ты сама знаешь, какой это стресс — выходить к толпе. Марина... она просто оказалась рядом. Она пустое место, Ир. Пыль под ногами. Ты же знаешь, что люблю я только тебя.

Я медленно повернула голову. Глеб выглядел ужасно: помятое лицо, красные глаза, спутанные волосы. Мой «рок-кумир» превратился в облезлого актера погорелого театра. И самое страшное — я не чувствовала ни злости, ни желания ударить его. Только брезгливость, как при виде грязного пятна на дорогой ткани, которое невозможно вывести.

— Пыль под ногами, говоришь? — я усмехнулась, и этот звук напугал меня самой своей сухостью. — За эту «пыль» ты заплатил сто пятьдесят тысяч из бюджета моего ателье. Ты украл эти деньги у моих девчонок-швей, у нашего будущего. Ты купил ей сапфиры, Глеб. На мои деньги.

— Я всё верну! — он заговорил быстро, захлебываясь словами. — Я отработаю. Я попрошу аванс у продюсера. Ира, это был просто бес в ребро, клянусь! Юбилейный тур, кризис среднего возраста... Ну, все мужики так косячат. Главное же дом, семья! Пятнадцать лет, Иришка! Мы же как одно целое.

— Одно целое? — я поднялась, сбрасывая халат и оставаясь в простом трикотажном платье, которое приготовила с вечера. — Нет, Глеб. Мы никогда не были одним целым. Я была твоим фундаментом, а ты — яркой вывеской, которую я подкрашивала каждые полгода, чтобы не облупилась. Мой дом сгорел вчера вечером в номере 412. А сейчас я просто выхожу из пепелища.

— Куда ты пойдешь? — он попытался преградить мне путь, в его голосе прорезались знакомые властные нотки, которые он всегда включал, когда аргументы заканчивались. — У тебя здесь никого нет. Денег на карте — кот наплакал, я же видел отчеты. Ты без меня в этой глухомани пропадешь. Давай просто забудем. Я уволю Марину. Прямо сейчас. Пусть катится к черту со своим браслетом.

Я посмотрела на него в упор. Пятнадцать лет я верила, что этот человек — моя судьба. Теперь я видела перед собой чужака.

— Марина останется, Глеб. Она — именно то, что ты заслужил. Идеальная пара для барабанщика, который путает любовь с обслуживанием.

Я оттолкнула его плечом — он даже не сопротивлялся, пошатнувшись от моей неожиданной силы. Схватила сумку, в которой лежал телефон, паспорт и свернутый рисунок Ильнура.

— Номер оплачен до полудня, — бросила я, уже стоя в дверях. — Чемоданы я заберу позже. И не смей мне зво-

нить, я заблокирую твой номер.

— Ира! — крикнул он мне вслед. — Ты пожалеешь! Ты сама ко мне приползешь, когда поймешь, что мир — это не твое розовое ателье!

Я не ответила. Дверь захлопнулась, отсекая его крик. В лифте я прижалась лбом к зеркалу и закрыла глаза. Пальцы дрожали, но внутри, под ребрами, росло странное, звенящее чувство свободы.

Выйдя из гостиницы, я вдохнула холодный утренний воздух. Город был окутан туманом, который медленно сползал к реке. Я достала телефон, открыла сумку и вытащила рисунок. На обратной стороне, среди черных угольных разводов, виднелись цифры.

Я набрала номер, не давая себе времени передумать.

— Да, — голос Ильнура прозвучал сразу, будто он ждал этого звонка. В нем не было сонного раздражения, только спокойная готовность.

— Это Ирина. С набережной, — я сглотнула комок в горле. — Вы говорили... что знаете, где здесь самый чистый воздух. Предложение еще в силе?

— Через пятнадцать минут буду у входа в «Тойму», — просто ответил он и положил трубку.

Я присела на скамью у входа, спрятав лицо в ладонях. Мимо проходили техники, грузили оборудование, кто-то из музыкантов скользнул по мне безразличным взглядом. Для них я уже была «бывшей».

Черный внедорожник, покрытый слоем дорожной пыли, мягко затормозил у крыльца ровно через четверть часа. Ильнур вышел из машины, и я невольно отметила, как его спокойная, уверенная походка контрастирует с суетливыми движениями Глеба. На нем были те же джинсы и куртка, что и ночью.

Он подошел ко мне, протянул руку. Его ладонь была теплой и сухой.

— Поехали, — сказал он, не задавая вопросов о моих красных глазах и бледном лице. — Завтрак в Елабуге — это особый ритуал.

Мы ехали молча по просыпающимся улицам. Ильнур привез меня в маленькое кафе в старом купеческом доме. Пахло свежим хлебом и кофе. Он заказал горячие блины с медом и чай в большом керамическом чайнике.

— Ешьте, — он пододвинул ко мне тарелку. — Чтобы во-евать с прошлым, нужны силы.

— Откуда вы знаете, что я воюю? — я подняла на него взгляд.

— У Вас на лице написана вся карта боевых действий, Ирина Сергеевна. Но судя по тому, что Вы здесь без чемоданов, Вы совершили глубокую разведку и решили сменить дислокацию.

Я не выдержала и слабо улыбнулась. Этот мужчина обладал удивительным даром — говорить о серьезных вещах просто и без надрыва.

После завтрака он предложил:

— Давайте просто погуляем. Пока город еще не забит туристами. Елабуга умеет лечить память.

Мы пошли по старым улицам, мимо купеческих особняков с резными наличниками. Город просыпался, пахнул свежим хлебом и мокрой листвой.

— Смотрите, — Ильнур остановился у красного кирпичного здания. — Дом-музей Шишкина. Здесь он рос. Здесь учился видеть этот мир не как набор предметов, а как божественное полотно.

Я смотрела на белые балконы, на ухоженный сад и чувствовала, как внутри меня, привыкшей к стерильному блеску петербургских шоу-румов, что-то оттаивает. Здесь была подлинность. Вековая, неторопливая сила.

— А вон там, — он указал на здание напротив, — усадьба Надежды Дуровой. Женщина-гусар. Она тоже умела ломать правила, когда они становились тесными. Вам сейчас стоит поучиться у неё этой дерзости.

— Посмотрите на этот забор, — он остановился у старой усадьбы с резными воротами. — Видите там, внизу, вырезанную фигурку кота? Это работа местного мастера, который жил здесь сто лет назад.

Я замерла. Фигурка кота. Маленькая, почти стертая временем.

— Подождите... — я подошла ближе, коснулась дерева.

— Там еще должно быть отверстие внизу, под котом. Мы туда... мы туда прятали «секретики».

Ильнур медленно обернулся ко мне. Его взгляд стал пронзительным, почти ошеломленным.

— «Секретики»? Из цветных стеклышек и фантиков от конфет?

— Да, — я почувствовала, как по спине пробежал холодок. — А еще там была старая медная пуговица. Я украла её у бабушки из шкатулки, и мы решили, что это печать королей.

Ильнур подошел вплотную. Его лицо изменилось, черты словно разгладились, возвращая его на тридцать лет назад.

— Иришка? — негромко произнес он, и в этом слове было столько нежности и старой боли, что у меня перехватило дыхание. — Иришка-золотишко?

Я смотрела на него, и вдруг всё встало на свои места. Глубокая складка между бровей — она была и у того мальчика, когда он сердился на собак. Взгляд — серьезный и защищающий.

— Это ты... — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Ты тот мальчик с пустыря? Который отогнал собак?

— Я искал тебя, — он взял мои руки в свои, и теперь его пальцы едва заметно дрожали. — Когда мне было двенадцать, я прибежал к дому твоей бабушки, но там были закрыты ставни. Соседи сказали, что она умерла, а тебя увезли

в Ленинград. Я тогда оставил под этим самым котом записку. Написал: «Я вырасту и найду тебя». Но дождь её, наверное, съел в первую же ночь.

Я не выдержала. Слезы, которые я сдерживала всё утро перед Глебом, хлынули потоком. Это не были слезы горя. Это было озарение. Ощущение, что круг замкнулся. Пятнадцать лет я жила с человеком, который был мне чужим, и всё это время в моем сердце жил образ этого мальчика.

— Я хранила его, — я дрожащими пальцами вытянула цепочку из-под ворота платья. Серебряное кольцо на кожаном шнурке. — Все эти годы. Глеб хотел его выбросить. Говорил, что это мусор. А я не могла.

Ильнур коснулся кольца. Его лицо осветилось такой чистой, детской радостью, что он в этот момент стал невероятно красивым.

— Это кольцо моего деда, — сказал он тихо. — Я тогда думал, что дарю тебе самое ценное, что у меня есть. Чтобы ты не боялась.

Мы стояли у старых ворот, и город вокруг нас словно замер. Не было больше Питера, не было измен, не было криков Глеба и сапфиров Марины. Были только мы — два взрослых, потрепанных жизнью человека, которые нашли свои корни в тени старого забора.

Ильнур не пытался меня обнять или поцеловать. Он просто держал мои руки, и эта связь была крепче любого физического контакта. Мы узнавали друг друга заново — по же-

стам, по интонациям, по тому, как оба одновременно вспомнили, как однажды пытались «поженить» бабушкиного кота и соседскую собаку, и чем это закончилось для наших коллег.

— Знаешь, — Ильнур посмотрел на меня, и в его глазах я увидела ту самую Елабугу, которую он обещал показать. — Я ведь не просто так рисовал тебя вчера. Я почувствовал этот ритм. Твой ритм. Как будто душа узнала свою.

Я молчала, прижимаясь лбом к его плечу. Мне не нужны были слова. Впервые за пятнадцать лет мне не нужно было ничего из себя строить, никому ничего доказывать и никого обслуживать.

Мир на мгновение замер. Пятнадцать лет брака с Глебом показались коротким, дурным сном, а эти тридцать лет разлуки с Ильнуром — просто затянувшейся паузой. Мы стояли, держась за руки, и я видела в его глазах того самого мальчика, который когда-то не побоялся стаи псов.

— Пойдем, — тихо сказал Ильнур, когда я немного успокоилась. — Нам нужно подняться выше. Чтобы ты увидела масштаб.

Мы направились к окраине, туда, где на высоком холме возвышалось Чертово Городище. Подъем был крутым. Я шла, чувствуя, как дыхание становится тяжелым, а ноги гудят, но я не хотела останавливаться. Мне нужно было это физическое усилие, чтобы вытолкнуть из себя остатки петербургской гари.

Когда мы поднялись на самую вершину, у меня перехватило дыхание. Не от усталости — от красоты.

Перед нами стояла древняя башня — единственный уцелевший свидетель болгарской крепости. Темный камень, обветренный веками, казался вечным. А под холмом... под холмом расстиралась бесконечность.

Кама и Тойма сливались здесь в единое серебряное русло. Огромные пространства заливных лугов, подернутые осенней позолотой, уходили к самому горизонту. Река казалась полосой кованого металла, холодной и величественной.

— Посмотри на это, Ира, — Ильнур встал рядом, глядя вдаль. — Этой башне тысяча лет. Мимо неё проходили армии, рушились империи, менялись религии. А она стоит. Потому что у неё глубокие корни. Твоя драма с Глебом... отсюда, с высоты, она кажется просто пылью. Маленьким недоумением на фоне этой вечности.

Я смотрела на реку и чувствовала, как во мне рождается невероятная мощь. Ветер с Камы трепал мои волосы, выдувая из головы голоса Марины, Глеба, свекрови. Здесь, на Чертовом Городище, я вдруг поняла: я — не «старый диван». Я не «удобная мебель». Я — часть этого огромного мира, такая же прочная, как этот камень.

— Здесь так тихо, — прошептала я.

— Это тишина силы, — Ильнур коснулся моего плеча. — В Елабуге говорят, что на этом месте желания сбываются, если они честные. О чем ты сейчас думаешь?

Я посмотрела на него. На его руки в пятнах краски, на его честный, открытый взгляд.

— Я думаю о том, что Глеб никогда бы сюда не поднялся. Он бы сказал, что здесь плохая дорога для его ботинок и слишком скучный вид.

— Значит, хорошо, что его здесь нет, — просто ответил Ильнур. — Здесь место только для тех, кто умеет дышать в полную силу.

Мы стояли у края обрыва. Кама несла свои воды к Волге, и вместе с этим течением от меня уплывало всё то, что я считала своей судьбой. Я достала из кармана серебряный кулон — кольцо его деда — и подняла его к солнцу. Металл вспыхнул, поймав лучи.

— Спасибо, что нашел меня, — я повернулась к Ильнуру.

— Я не находил тебя, Иришка, — он улыбнулся своей тихой, надежной улыбкой. — Ты просто вернулась домой. А я всё это время просто держал дверь открытой.

Спускаясь с городища, я уже знала, что справлюсь. Впереди был тяжелый путь в Питер, юридические битвы и одиночество. Но у меня теперь был этот вид с высоты башни. У меня была эта река и этот мужчина, который знал меня настоящую.

Жизнь Ирины Русаковой больше не была серой тканью, порезанной на куски. Она была огромным, залитым солнцем простором, который только предстояло освоить. И на этот раз я не доверю кроить свою судьбу никому, кроме себя.

Глава 9 (Ильнур)

(от лица Ильнура)

Вчера на набережной я совершил поступок, который мне не свойственен. Я не из тех, кто пристаёт к одиноким женщинам в сумерках, и уж точно не из тех, кто навязывает свои услуги портретиста. Но когда эта женщина вышла из тумана, у меня перехватило дыхание.

Это не было узнаванием. Как можно узнать в тридцатипятилетней женщине с лицом, застывшим в маске ледяного отчаяния, пятилетнюю девочку с разбитыми коленками? Это было что-то другое. Необъяснимый, почти мистический резонанс. В её взгляде, в том, как она куталась в свой дорогой, явно не по погоде, жакет, было что-то до боли знакомое. Что-то из моего собственного детства, затерянного в этих самых переулках.

Я смотрел на неё и видел не модель, а загадку, которую мне жизненно необходимо было разгадать. В её глазах плеталась такая тьма, которую не встретишь у обычного туриста. Это была тьма человека, чей мир только что рухнул, оставив за собой лишь облако пыли. И эта тьма... она манила меня. Я чувствовал, что если не остановлю её сейчас, если не заговорю, то пропущу что-то фундаментально важное в своей собственной жизни.

А сегодня утром... сегодня утром небо Елабуги разверз-

лось и обрушило на меня правду, к которой я не был готов.

Я сидел за рулем внедорожника у гостиницы «Тойма» и смотрел, как Ирина идет к машине. Она казалась еще более хрупкой в этом безжалостном утреннем свете. Мы поехали завтракать, потом гуляли... И всё это время я пытался понять: почему мой пульс частит каждый раз, когда она поворачивает голову?

И вот — старые ворота. Тот самый резной кот, которого мой дед сделал еще до моего рождения. Когда она коснулась дерева и заговорила про медную пуговицу, украденную у бабушки... Время для меня просто перестало существовать. Оглушительный удар сердца — и всё встало на свои места. «Иришка-золотишко».

Боже, это была она. Та самая маленькая девочка, которую я защищал от собак на пустыре. Та, чья бабушка угощала меня самыми вкусными в мире пирогами с черемухой. Я смотрел на неё, на это серебряное кольцо на её шее — мой первый мужской подарок — и чувствовал себя так, словно мне снова десять, и я только что нашел величайшее сокровище в мире.

Но эйфория длилась недолго. Потому что сейчас я стоял у отеля, и передо мной разворачивалась сцена, которую я бы с радостью вычеркнул из реальности своего города.

У входа в «Тойму» было шумно и грязно. Огромный черный трейлер перегородил улицу, техники с матами грузили кофры, пахло бензином и дешевой бравадой. И в центре все-

го этого стоял он.

Глеб Егоров.

Как художник, я привык оценивать людей по их внутренней структуре. Глеб был похож на дешевую декорацию — фанера, обклеенная яркой пленкой под «мрамор». Сверху — блеск, амбиции, кожаная куртка с излишком заклепок. Внутри — пустота и гулкий сквозняк. Он стоял у крыльца, нервно куря, и в каждом его движении сквозило такое непомерное, болезненное эго, что мне стало тошно.

Я припарковал машину и почувствовал, как Ирина рядом со мной сжалась. Её плечи напряглись, взгляд стал холодным и отстраненным. Она готовилась к бою.

Я вышел из машины первым, загораживая её дверцей.

Егоров заметил нас сразу. Его лицо в секунду сменило несколько масок: от фальшивой радости («Нашлась!») до подозрительной, собственнической ярости. Он двинулся к нам — походка была разболтанной, претенциозной. Он всё еще играл роль рок-звезды, хотя перед ним был не зал фанатов, а просыпающийся провинциальный город.

— Ты еще кто такой? — он прохрипел это, обдавая меня запахом перегара и вчерашнего виски. — Ты чего мою жену катаешь по городу? Ира! Живо в номер, нам выезжать через полчаса!

Ирина вышла из машины. Она стояла прямо, и в её молчании было больше силы, чем во всех этих нелепых выкриках.

Я перехватил взгляд Егорова. В моих глазах он не уви-

дел ни страха, ни желания вступать в дискуссию. Только холодное любопытство реставратора, изучающего слой старой, шелушащейся краски на испорченном холсте.

— Ирина Сергеевна сама решит, куда ей идти, — сказал я негромко. Мой голос звучал густо и ровно. — А вам, Глеб, стоило бы поучиться манерам. В Елабуге так не принято.

— Да ты... ты знаешь, кто я?! — он сделал шаг вперед, вскидывая руку с зажатой сигаретой, но наткнулся на мой спокойный взгляд и осекся.

Я просто смотрел ему в переносицу. Таких людей, как он, это выбивает из колеи сильнее, чем удар в челюсть. Они привыкли к ответному шуму, к истерикам, к дракам. А перед тишиной они пасуют.

— Глеб, замолчи, — голос Ирины прозвучал как щелчок хлыста. — Этот мужчина — Ильнур. Мой друг детства. Тот самый, о котором ты никогда не хотел слушать.

Она повернулась ко мне, и в её глазах я увидел ту самую Иришку — золото, настоящий, немеркнувший металл.

— Спасибо, Ильнур. За город. И за то, что помог вспомнить... кто я есть на самом деле.

— Я буду здесь, — сказал я ей, полностью игнорируя Егорова. — Пока ты не выйдешь с вещами. Никуда не уеду.

Она кивнула и пошла к входу в гостиницу. Её походка была легкой и уверенной — так ходят люди, которые только что сбросили со своих плеч бетонную плиту.

Егоров дернулся было за ней, но я слегка сместился, пе-

рекрывая ему траекторию.

— Послушай, мужик... — он попытался снова включить «альфу», но голос его сорвался на визг. — У нас гастроли! У нас контракты! Если она сейчас сорвется, я её засужу!

— Остынь, — произнес я так тихо, что услышал только он. — У тебя осталось очень мало времени, чтобы собрать свои игрушки. Пользуйся им с умом. И больше не смей повышать на неё голос. В моем городе за это принято отвечать.

Глеб сглотнул. В его глазах отразилась паника. Он наконец понял, что «старый удобный диван», как он, вероятно, называл жену, ушел. А на его месте осталась женщина, которую защищает этот странный, пахнущий краской человек со взглядом убийцы или святого.

Он почти бегом бросился вслед за ней в вестибюль.

Я остался стоять у машины. Достал сигарету, хотя курил крайне редко. Дым Елабуги мешался с запахом бензина и дешевого мужского парфюма, оставленного Егоровым.

Я смотрел на окна четвертого этажа.

Тридцать лет. Столько времени мне понадобилось, чтобы судьба снова привела её ко мне. И за эти тридцать лет какой-то инфантильный мальчишка с палочками в руках успел убедить её, что она — всего лишь фон для его посредственного таланта. Как она могла позволить этому случиться? Как этот человек мог касаться её рук, слышать её дыхание?

Я чувствовал почти физическую боль от мысли, сколько света она потратила на эту черную дыру. Но теперь всё.

Я знал, что сейчас там, в номере, происходит великое освобождение. Она собирает не чемоданы. Она собирает свою душу. По кусочкам. По лоскутам. А моя задача — быть тем фундаментом, на который она сможет опереться, когда выйдет из этих дверей.

Я посмотрел на свои ладони. На них еще оставались следы угля после вчерашнего портрета. Вчера я рисовал её как незнакомку, пораженный её внутренней надломленностью. Сегодня я знаю, что за этой надломленностью стоит та самая Иришка. И я больше не позволю дверям закрыться перед моим носом.

Я прислонился к теплomu капоту машины и стал ждать. Город за моей спиной дышал вечностью, а впереди, за бездушными стеклами «Тоймы», рождалась новая жизнь. И я собирался стать её частью. Не потому, что она была моей «музой из тумана». А потому, что я обещал ей это еще тридцать лет назад под старыми воротами с резным котом.

Я никуда не уйду. Пусть гремят их барабаны, пусть шумят их автобусы. Здесь, на этой земле, решаю я. И Ирина Русакова сегодня возвращается домой.

Глава 10

Когда я вышла из дверей гостиницы «Тойма», прижимая к себе папку с рисунком, Ильнур уже стоял у машины. Его присутствие действовало на меня как обезболивающее — резкое, эффективное, но временное.

Глеб, стоявший неподалеку у входа в гастрольный автобус, дернулся в нашу сторону, его лицо перекосило от бесильной ярости. Но он не успел произнести ни слова. Мой телефон, который я наконец-то включила, разразился канонадой уведомлений.

Звонил наш юрист из Питера. А за ним — администратор площадки в Набережных Челнах.

— Ирина Сергеевна, вы где? — голос Паши-администратора дрожал от напряжения. — Тут юристы принимающей стороны. Глеб Викторович вчера после концерта нахамил организаторам, они грозят расторгнуть контракт на оставшиеся три города. Если мы сорвем тур — штрафы такие, что ваше ателье пойдет с молотка за долги. Вы же поручитель по контракту!

Я замерла у дверцы внедорожника. Мир, который я только что попыталась оставить за спиной, вцепился в мои плечи когтистыми лапами.

— Ира? Что случилось? — Ильнур внимательно посмотрел на меня, не выпуская моей руки.

— Я не могу просто уехать, Ильнур, — я закрыла глаза, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. — Глеб — балласт. Но этот балласт привязан к моему бизнесу железным тросом. Если я сейчас брошу всё и улечу в Питер, он обанкротит меня за три дня. Он сорвет концерты, а неустойку спишут с моих счетов.

Я посмотрела на Глеба. Он стоял у автобуса, вызываясь скрестив руки на груди, словно чувствовал свою временную власть. Он знал, что контракты подписаны мной. Знал, что я не допущу краха своего дела.

— Ильнур, мне нужно в Набережные Челны, — я повернулась к художнику. — Это всего тридцать километров отсюда. Пожалуйста... я не могу сесть в этот автобус. Я не вынесу запаха его парфюма и вида этой девицы в моем платье. Довези меня до следующего города.

— Садись, — коротко ответил Ильнур. — Я не оставляю тебя этому стервятнику.

Мы поехали. Тридцать километров дороги до Челнов стали для меня временем перерождения. Пока за окном мелькали татарстанские пейзажи, я методично выстраивала внутри себя ледяную стену.

— Слушай меня, — Ильнур вел машину уверенно, одной рукой придерживая руль, а другой накрывая мою ладонь. — Эти три дня ты будешь работать. Но ты будешь работать на себя. Ты — директор. Он — исполнитель. Относись к нему как к бракованной детали, которую нужно сдать на склад. Не

давай ему крови, Ира. Он питается твоими эмоциями.

— Я знаю, — я смотрела вперед, на развязку федеральной трассы. — Эмоции закончились. Остался только бизнес-план.

Набережные Челны встретили нас шумом промышленного города и серыми коробками проспектов. Ильнур высадил меня прямо у служебного входа КЗ «КамАЗ».

— Я буду в Казани, это рядом, — он посмотрел мне в глаза, и я увидела в них ту самую поддержку, которой мне не хватало пятнадцать лет. — Если станет совсем тошно — просто набери мой номер. Я примчусь быстрее, чем его барабаны выдадут дробь. И... вот это. Возьми.

Он протянул мне плотный конверт из крафтовой бумаги.

— Здесь рисунок. Но не тот, ночной. Другой. Откроешь, когда сядешь в поезд на Питер. Обещаешь?

— Обещаю.

Я вышла из машины, поправила жакет и шагнула в прохладу концертного зала. Всё. Анестезия подействовала.

Следующие три дня превратились в затянувшийся сюрреалистический кошмар, в котором я была главным дирижером.

Экран ноутбука мигал ровным синим светом в полумраке очередной примерки. Я превратилась в безупречно отлаженный механизм. Директор группы Егорова — так было написано в контрактах. И теперь я была только этим — должно-

стью, набором функций, ледяным голосом.

— Питание группы перенесено на час раньше, — произнесла я, не поднимая глаз от монитора, когда Глеб ввалился в гримерку. — Смету на перегрузку я утвердила. Вопросы есть?

Глеб стоял в дверях, его лицо было помятым и злым.

— Ир, ну сколько можно? — он сделал шаг в комнату. — Мы вторые сутки в Челнах, а ты со мной разговариваешь как со справочным бюро. Ребята косятся. В автобусе тишина, как на поминках. Ты хоть понимаешь, как это выглядит?

Я наконец подняла взгляд. Спокойный, пустой, профессиональный.

— Это выглядит как работа, Глеб. Я здесь, чтобы закрыть тур и выполнить обязательства, чтобы мое ателье не пошло с молотка из-за твоей безответственности. Остальное меня не касается. Информация по выезду завтра в восемь утра. Не опаздывай. И передай своей вокалистке, что если она еще раз позволит себе опоздать на саундчек, я вычту штраф из твоего гонорара. Лично.

— Да пошла ты со своим графиком! — он сорвался на крик, ударив ладонью по столу. — Я твой муж!

— Был им, — я аккуратно закрыла крышку ноутбука. — А сейчас ты — наемный артист, чьи капризы я больше не обязана обслуживать. И если ты сорвешь концерт в Челнах — я разорю тебя через суд. Поверь, у меня хватит на это связей и злости. Свободен.

Глеб открыл рот, но наткнулся на мой ледяной взгляд и осекся. Он развернулся и вылетел из комнаты, едва не снеся Марину, которая караулила его в коридоре.

Я видела их в дверную щель. Марина выглядела растерянной. Без моей невидимой, но железной опеки Глеб начал разваливаться. Он забыл ключи от кейса, сорвал голос, злился на всех. Марина, которая рассчитывала на статус «новой королевы», внезапно обнаружила рядом с собой капризного мужчину, который не знает, как вызвать такси или где взять чистую рубашку.

Это было мелкое правосудие. Но оно уже началось.

На финальном концерте я стояла за кулисами, наблюдая за Глебом. Он колотил по барабанам с яростной, почти звериной злобой, пытаясь доказать мне свою значимость. А я смотрела на него и видела просто уставшего человека в потном костюме, который так и не понял, что музыка — это не грохот, а гармония.

Как только затих последний аккорд, я подошла к администратору.

— Принимай дела, Паша. Все ведомости закрыты. Моя работа здесь окончена.

Я не стала прощаться. Вышла из здания, поймала такси и уехала на вокзал раньше всех. У меня был билет в отдельное купе — роскошь, которую я позволила себе, чтобы просто не дышать одним воздухом с прошлым.

Поезд «Набережные Челны — Санкт-Петербург» (с пере-

садкой или прямой, мне было плевать) мерно покачивался, отсчитывая километры. За окном проплывала темная Россия.

Я сидела у окна, обхватив руками стакан чая. На столе лежал конверт Ильнура.

Руки дрожали, когда я развязывала бечевку. Внутри оказался плотный лист акварельной бумаги.

Это была зарисовка сангиной. Двое детей, мальчик и девочка, сидят на том самом старом заборе с резным котом, болтая ногами. Девочка смеется, а мальчик серьезно смотрит вдаль, заслоняя её плечом. В этом наброске было больше тепла и правды, чем во всех моих свадебных альбомах.

Я перевернула лист.

«Золото не ржавеет. Оно просто ждет того, кто умеет его полировать. Возвращайся к себе, Иришка. Твой берег здесь».

Я прижала рисунок к груди и зарыдала. Впервые навзрыд, заглушаемая стуком колес. Я оплакивала свои потерянные пятнадцать лет. Но в этом плаче было облегчение.

Я достала из-под блузки кулон. Кольцо его деда.

В соседних вагонах спала группа Глеба. Они ехали в Питер, уверенные, что завтра всё будет по-прежнему. Глеб наверняка уже придумывал, как он будет «прощать» меня. Марина примеряла сапфировый браслет.

Но я уже не была Егоровой.

Я смотрела в черное стекло окна. Питер ждал меня свинцовым небом и разводом. Но теперь это не пугало. У меня было ателье, которое я заберу до последнего гвоздя. У меня было имя — Русакова. И у меня был рисунок, который обещал: рассвет наступит.

Я легла на полку, сжимая в одной руке кулон, а в другой — крафтовую бумагу. Поезд уносил меня прочь.

Спи, Глеб. Спи, Марина. Ваше время вышло. А мое — только начинается.

Я — Ирина Русакова. И я еду домой.

Глава 11

Такси затормозило у подъезда на Крестовском острове, когда петербургские сумерки уже окончательно превратились в липкую, серую хмарь. Город встретил меня привычным запахом мокрого гранита и выхлопных газов — резкий контраст с прозрачным, пахнущим рекой воздухом Елабуги.

Я вышла из машины, чувствуя, как тяжелый чемодан оттягивает руку. Лифт бесшумно поднял меня на четвертый этаж. Щелчок электронного замка, мягкий свет в прихожей, автоматически загоревшийся по датчику движения, и — тишина. Идеальная, стерильная тишина моей «образцовой» жизни.

Я остановилась на пороге, не спеша снимать пальто.

Квартира, которую я три года назад превращала в шедевр интерьерного дизайна, сейчас выглядела как выставочный зал мебельного салона. Дорого, стильно и совершенно мертво. Мои любимые шторы из тяжелого графитового льна, авторская керамика на консоли, которую мы везли из Италии, мягкое сияние паркета под маслом... Каждая деталь здесь была выбрана мной. Каждый сантиметр этой площади был пропитан моей заботой о комфорте Глеба.

— Я дома, — шепнула я, и голос мой прозвучал чужеродно.

Я прошла в гостиную, не включая основной свет. В полу-

мраке на комодe белела рамка. Наше фото из Парижа. Мы стоим на фоне Эйфелевой башни, Глеб смеется, запрокинув голову, а я прижимаюсь к нему, сияя от счастья. Я подошла и медленно перевернула рамку лицом вниз. Звук соприкосновения дерева и поверхности комода показался мне оглушительным.

Входная дверь хлопнула спустя десять минут. Глеб вошел шумно, швырнул ключи на полку, насвистывая какой-то дурацкий мотив из тех, что они репетировали в туре. Он вел себя так, словно елабужского ДК, Марины и моего ледяного молчания в поезде просто не существовало.

— О, Иришка, ты уже здесь! — Глеб ввалился в гостиную, на ходу стягивая куртку. — Слушай, ну и погода. В Татарии хоть туман был живописный, а тут просто водяная пыль. Есть что пожевать? Я в поезде только сухомятку перехватил.

Он подошел ко мне, пытаясь обнять за талию, привычным жестом собственника притянуть к себе. Я сделала шаг в сторону, якобы поправляя воротник пальто, которое так и не сняла. Его руки поймали пустоту.

— В холодильнике должно быть что-то из заморозки, — ответила я, глядя в окно на серую Неву. — Или закажи доставку. Я устала.

Глеб замер, его улыбка на мгновение дрогнула, но он тут же взял себя в руки. Включил режим «я — идеальный муж, а у жены просто ПМС».

— Ну ладно тебе, Ир. Ну, согрешил, бес попутал на га-

стролях, с кем не бывает? Мы же дома теперь. В Питере всё по-другому. Давай закажем ту пиццу с трюфелями, которую ты любишь? Откроем вино, посмотрим кино. Расслабимся. Хватит уже эту сталь в голосе держать, тебе не идет. Ты же моя мягкая Иришка.

— Твоя мягкая Иришка осталась на набережной Шишкина, Глеб, — я наконец сняла пальто и повесила его в шкаф. — А здесь сейчас женщина, которой нужно разобрать вещи.

Я ушла в спальню, чувствуя на спине его недоуменный, раздраженный взгляд. В спальне пахло... не так. Я всегда была чувствительна к запахам. Здесь, в нашем самом интимном пространстве, витал тонкий, едва уловимый аромат жасмина. Тот самый. Марина.

Меня не накрыло истерикой. Напротив, внутри стало холодно и ясно, как в операционной. Значит, он приводил её сюда. Пока я засиживалась в ателье над лекалами новой коллекции, пока моталась по поставщикам тканей, он спал с ней в нашей постели. На этих простынях из египетского хлопка, которые я выбирала с таким трепетом.

Я открыла шкаф и начала вытаскивать свои вещи из чемодана. Но я не раскладывала их по полкам. Я просто перекладывала их в стопки на диване в углу комнаты.

Мне нужно было что-то делать, чтобы не чувствовать этот запах. Стирка. Да, нужно запустить стирку. Все вещи после поезда казались мне грязными, пропитанными дорожной лужью.

Я собрала охапку белья и пошла в ванную. Глеб на кухне уже гремел посудой, что-то весело выкрикивая про «новую жизнь» и «забытые обиды». Я не слушала.

Загружая вещи в барабан стиральной машины, я по привычке провела рукой по резиновому уплотнителю манжеты — профессиональная привычка проверять, не завалилась ли туда пуговица или булавка. Пальцы наткнулись на что-то твердое.

Я потянула предмет на себя.

На моей ладони лежала заколка-крабик. Дешевая, из ярко-розового пластика с дурацкими стразами. Одна страза выпала, оставив темный след клея. У меня никогда не было таких вещей. Мой стиль — это минимализм, благородные материалы, кость, дерево, серебро.

Этот розовый уродец мог принадлежать только одной женщине.

Я стояла в ванной, глядя на этот кусок пластика, и видела, как Марина смеется в этой самой ванной, закалывая волосы перед зеркалом. Она чувствовала себя здесь хозяйкой. Она пила из моих чашек, она ходила по моему паркету. А Глеб... Глеб стоял рядом и, вероятно, шутил про свою «дизайнершу».

Кровь зашумела в ушах, но я не издала ни звука. Я медленно вышла из ванной и направилась на кухню.

Глеб сидел за столом, вскрывая коробку с доставленными суши. Он уже успел налить себе бокал вина и выглядел со-

вершенно расслабленным. Как человек, который уверен, что его «крепость» выстоит при любом шторме.

— О, созрела? — он поднял бокал. — Давай, Ир, присаживайся. Тут твой любимый «Дракон».

Я молча подошла к столу. На середине, рядом с вазой с фруктами, стояла наша сахарница. Тончайший костяной фарфор Императорского завода, подарок моей мамы на свадьбу. Белая, изящная, с золотой каемкой.

Я сняла крышку. Сахарница была полна белых кубиков рафинада.

Я медленно положила розовую заклепку прямо сверху. На самый пик сахарной горы. Пластиковый крабик смотрелся на фарфоре как жирная навозная муха на свадебном торте.

Глеб замер с палочками в руке. Его взгляд переместился с моего лица на сахарницу. Он узнал вещь. Я увидела, как его кадык судорожно дернулся, а лицо начало медленно заливаться нездоровой краснотой.

— Это что? — выдавил он, пытаясь изобразить недоумение. — Ира, ты чего?

— Кажется, твоя «энергия» забыла свой аксессуар в нашем гардеробе, — я произнесла это тихим, почти нежным голосом. — Или в нашей постели. Она ведь любительница оставлять метки, верно? Пей чай, Глеб. Сладкое полезно для мозга. Может быть, ты начнешь соображать, что ты притащил в этот дом.

Глеб бросил палочки на стол. Послышался сухой стук.

— Ира, ну... это... это старая история. Это было всего один раз, до тура! Она напросилась посмотреть квартиру, я... я не смог отказать.

— Не смог отказать? — я усмехнулась. — Пятнадцать лет брака, Глеб. Пятнадцать лет моей верности, моего труда.. И ты привел эту дешевку в мой дом? В мою кровать?

Я подошла к нему вплотную. От него пахло вином и страхом.

— Знаешь, что самое смешное? Я ведь только что в поезде вспоминала Елабугу. Мальчика, который защитил меня от собак. Он подарил мне серебряное кольцо. Оно стоит копейки, Глеб. Но в нем больше чести, чем во всем твоём существовании.

Я сняла крышку с сахарницы и с грохотом швырнула её на стол. Фарфор выдержал, но звук был такой, что Глеб вздрогнул.

— Квартира-призрак, — сказала я, глядя ему в глаза. — Это больше не мой дом. Здесь всё пахнет жасмином и предательством.

— Ира, перестань! — он вскочил, опрокинув бокал. Красное вино потекло по белоснежной скатерти, как кровь. — Ты никуда не уйдешь. Тебе некуда идти! Твое ателье наполовину оформлено на меня, ты не сможешь просто так всё бросить. Мы — Егоровы! Понимаешь? Это бренд!

— Бренд «Ирина Егорова» закончился в тот момент, когда ты купил сапфиры Марине на мои деньги, — я разверну-

лась и пошла к выходу из кухни. — Завтра я подаю на развод. А сегодня... сегодня я буду спать в гостевой комнате. И не дай бог ты попробуешь зайти.

Я закрылась в маленьком кабинете, который служил мне мастерской. Здесь стоял манекен, обтянутый суровым полотном, полки ломились от рулонов ткани. Это был единственный уголок в этой огромной квартире, где не было Глеба. Где был только мой труд.

Я села на диван, не включая свет. За окном Петербург жил своей жизнью. Тысячи окон, тысячи судеб. Где-то там, в Казани, Ильнур сейчас, возможно, тоже смотрел на звезды.

Я достала из кармана серебряный кулон. Гладкий металл мгновенно согрелся в ладони. Это была единственная живая, настоящая вещь в этом склепе из фарфора, шелка и лжи.

Мне было тридцать пять. Впереди была война — юридическая, финансовая, эмоциональная. Глеб не отдаст ателье просто так. Свекровь проклянет меня до седьмого колена. Марина будет праздновать победу.

Но я чувствовала странную легкость. Как будто я наконец-то сняла то самое платье, которое было мне мало все эти пятнадцать лет.

Я — Ирина Русакова. И я больше не позволю розовым заколкам портить мою жизнь.

Дождь забарабанил по стеклу — частый, drobный ритм. Совсем как соло Глеба на концерте. Но теперь этот звук меня не трогал. Я закрыла глаза и впервые за неделю уснула без

снотворного. Под охраной маленького серебряного кольца и воспоминаний о чистом воздухе Елабуги.

Глава12(Глеб)

(от лица Глеба)

Простыни были холодными и какими-то чересчурakraх-маленными. Я перекатился на бок, привычно вытянул руку, рассчитывая наткнуться на теплое плечо Иры, но ладонь лишь хлопнула по пустому матрасу.

Точно. Она же вчера заперлась в своем кабинете. Устроила, понимаешь, демонстрацию.

Я сел на кровати, потирая затекшую шею. В панорамное окно нашей спальни на Крестовском вовсю лупило наглое питерское солнце, высвечивая каждую пылинку в воздухе. В голове после вчерашнего виски стоял легкий гул, но в целом я чувствовал себя неплохо. Злость, которая душила меня вечером, сменилась снисходительным раздражением.

Ну, нашла она эту дурацкую заколку. Ну, положила в сахарницу — эффектно, не спорю. Ира всегда умела обставить финал с драматизмом, дизайнерская жилка, что б её. Но серьезно? Мы пятнадцать лет вместе. Пятнадцать лет я — центр её вселенной. Она же без меня как без рук. Кто будет вдохновлять её на новые коллекции? Кто будет лицом её бренда на светских раутах? Какой-то там художник из тумана? Смешно.

— Подуется и перестанет, — пробормотал я, вставая и потягиваясь до хруста в суставах. — Куда она денется с под-

водной лодки?

Я зашел в ванную, плеснул в лицо ледяной водой. В зеркале отразился всё тот же Глеб Егоров — подтянутый, харизматичный, с легкой проседью на висках, которая только добавляла мне веса. Я — бренд. Я — ритм. А женщины... женщины существа эмоциональные. Им нужно дать время перекипеть, а потом просто красиво зайти с козырей.

Тактика измора — вот мой план. Я буду идеальным. Я буду заботливым. Я окружу её таким вниманием, что она сама почувствует себя виноватой за вчерашнюю холодность.

Выйдя из дома, я первым делом отправился в «Лэнд» — наш элитный гастроном за углом. Решил устроить ей «завтрак примирения». Я катил тележку между стеллажами, выбирая всё самое дорогое. Взял огромную головку горгонзолы — помню, она что-то говорила про французские сыры. Взял баночку фуа-гра и тяжелую упаковку черных трюфелей в масле. Я не особо помнил, любит ли она это сейчас — честно говоря, в последние годы я как-то перестал вникать в её меню, — но цена должна была сказать сама за себя. Стоимость моей заботы.

На обратном пути я заглянул в цветочную лавку.

— Самый шикарный букет, — бросил я флористке, вальяжно облокотившись на прилавок. — Белые лилии. Огромные. Чтобы выглядело на миллион.

— Лилии очень пахучие, мужчина, — робко заметила девушка. — Может, лучше розы? Или пионы?

— Лилии, — отрезал я. — Это символ чистоты и благо-
родства. То, что нужно.

Я представлял, как она выйдет из своего кабинета, увидит этот заваленный деликатесами стол, этот королевский букет, и лед в её глазах растает. Она ведь эстетка. Она не сможет устоять перед такой красотой.

Дома я развил бурную деятельность. Расставил баночки, выложил сыр на мраморную доску, подрезал лилии и водрузил их в огромную хрустальную вазу в центре стола. Аромат цветов мгновенно заполнил кухню — густой, сладкий, почти одуряющий. Даже мне стало немного трудновато дышать, но я решил, что это просто «атмосфера».

Ира вышла через час.

Она была уже полностью одета для работы: строгий серый костюм, идеально уложенные волосы, на лице — ни капли вчерашней усталости. Только глаза... они были какими-то прозрачными. Как лед на Неве в феврале.

— Доброе утро, Иришка! — я широко улыбнулся, делая шаг навстречу с букетом, который предусмотрительно вынул из вазы. — Смотри, что я нашел. Самые свежие, специально для тебя.

Я протянул ей лилии.

Ира замерла в трех шагах. Её ноздри дрогнули. Она не взяла цветы. Вместо этого она прикрыла рот ладонью и... оглушительно чихнула. А потом еще раз. И еще.

— Глеб... — голос её был глухим, глаза мгновенно по-

краснели и наполнились слезами. — Убери это. Немедленно.

— В смысле? — я опешил. — Ира, это же лилии! Самый дорогой сорт! Я за них отдал как за малый барабан!

— У меня... — она снова чихнула, судорожно ища в сумочке платок. — У меня на них... аллергия. Тяжелейшая. Ты что, за пятнадцать лет... так и не запомнил?

Я замер с букетом в руках, чувствуя себя полным идиотом. Аллергия? Точно. Что-то такое было... когда-то в начале. Или нет? Да какая разница!

— Я старался, Ира! — мой голос предательски дрогнул от обиды. — Я с утра по магазинам, выбирал самое лучшее! Сыр вот, паштеты твои... А ты сразу в позу! Тебе не угодишь!

Ира посмотрела на стол. На горгонзолу, от которой уже шел специфический душок, на жирную фуа-гра.

— Я не ем голубой сыр, Глеб. У меня от него мигрень. И фуа-гра я не трогаю уже лет пять, после того как мы посмотрели тот фильм про фермы. Ты вообще... ты хоть минуту за эти годы смотрел на меня, а не на свое отражение в моих глазах?

Она прошла мимо, стараясь не дышать, подхватила вазу с лилиями и решительно вышла в прихожую. Я слышал, как хлопнула входная дверь. Через минуту она вернулась — без цветов. На лестничной клетке теперь, наверное, пахло как в похоронном бюро.

— Я ухожу в ателье, — бросила она, надевая туфли. —

Вечером не жди. У меня много работы.

— Ира! — я сорвался на крик. — Это уже не смешно! Ты ведешь себя как капризный подросток! Я пытаюсь всё наладить, а ты...

Она даже не обернулась. Щелчок замка прозвучал как пощечина.

Я остался один на кухне, среди дорогих деликатесов, которые теперь казались мне кучей мусора. Злость закипела с новой силой. Ну и ладно! Ну и катись в свое ателье! Посмотрим, как ты запоешь, когда поймешь, что без меня ты — никто!

На репетиционную базу я приехал в отвратительном настроении. Сел за установку и начал лупить по барабанам так, что Макс, наш гитарист, даже поморщился.

— Эй, Егоров, полегче! — крикнул он, откладывая инструмент. — Ты тарелки проломишь. Что, «мамочка» дома завтрак пересолила?

В перерыве мы вышли в курилку. Я не выдержал и выложил всё. Ну, почти всё.

— Бабы, Макс, это зло, — я затянулся горьким дымом. — Пятнадцать лет жизни ей отдал. Всё в дом, всё для неё. Квартира — полная чаша, ателье подняли... А она из-за какой-то мелочи, из-за ерунды на гастролях, устроила террор. Фригидная стала, злая, как мегера. Ходит по дому, молчит, глазами сверкает. Я ей букет — она его в подъезд. Я ей деликатесы — она рожу кривит.

— Да ладно, — Макс сочувственно хмыкнул. — Перебесится. Куда она от тебя денется? У вас же там всё завязано.

— Вот и я говорю! — я оживился, чувствуя поддержку. — Она просто не понимает своего счастья. Я — Глеб Егоров! Мужик в самом соку, звезда. Да на меня девки гроздьями вешаются, та же Маринка...

Я осекся, вспомнив Марину. Она, кстати, сегодня прислала уже штук десять смс. Требует внимания, спрашивает, когда мы увидимся. Но сейчас она меня только раздражала. Из-за неё всё это началось. Хотя... если Ира будет продолжать в том же духе, почему бы и нет? Мужчине нужна энергия, верно?

— В общем, я решил так, — продолжал я, чувствуя себя героем трагедии. — Буду держать марку. Пусть посмотрит, каково это — когда я перестану обращать на неё внимание. Тактика измора, Макс. Женщины не выносят игнора. Сама приползет, когда поймет, что я могу и к другой уйти. Насо-всем.

Я вернулся к установке с чувством выполненного долга. Я — жертва её неадекватного поведения. Это она разрушает семью, а я — атлант, который пытается удержать это небо.

Вечером я вернулся домой поздно. Специально задержался, чтобы она понервничала. Но в квартире было тихо.

Я зашел в её кабинет — дверь была приоткрыта. Ира сидела за столом, заваленным чертежами и эскизами. На манекене висело что-то странное — грубое полотно, расшитое

какими-то этническими узорами. Елабуга. Её всё еще не отпустило.

Я прошел мимо, заглянул в её бумаги, лежащие на краю. Отчеты по продажам за прошлый квартал. Цифры были впечатляющими. Очень впечатляющими.

Моя уверенность в том, что она никуда не уйдет, укрепилась. Половина этого бизнеса — моя. Половина этой квартиры — моя. Она слишком прагматична, чтобы рисковать всем этим ради гордости. Развод — это долго, дорого и грязно. Она не пойдет на это.

Я услышал, как в прихожей открылась дверь. Она вышла куда-то и вернулась.

Я вальяжно вышел в коридор, прислонился к косяку, сложив руки на груди. Решил сменить гнев на милость.

— Ну что, трудоголик, — произнес я с легкой хрипотцой, которую считал неотразимой. — Может, поужинаем нормально? Я там заказал из ресторана...

Я осекся. Ира заносила в квартиру картонные коробки. Большие, плоские, сложенные стопкой. Она даже не посмотрела в мою сторону. Прошла мимо, задевая меня краем коробки, и начала методично складывать их у стены своего кабинета.

— Ира? Это что еще такое? — я сделал шаг к ней.

— Коробки, Глеб, — ответила она, вытирая пот со лба. Голос её был спокойным, деловым, как на совещании. — Мне нужно упаковать архивы и личные вещи. Чтобы не пу-

таться, когда буду переезжать.

Внутри у меня что-то неприятно ёкнуло. Переезжать?

— Какие еще вещи? Какой переезд? — я попытался рассмеяться, но звук получился жалким. — Перестань паясничать. Ты никуда не едешь.

Она наконец подняла на меня глаза. В них не было ни гнева, ни обиды. Только какая-то странная, пугающая пустота.

— Ты прав, Глеб. Я никуда не еду. Я уйду. Это разные вещи. Постарайся осознать разницу.

Она подхватила последнюю коробку и закрыла дверь своего кабинета прямо перед моим носом.

Я остался стоять в прихожей, глядя на закрытую дверь. Тактика измора... Кажется, я где-то просчитался. Но ничего. Завтра придет мать. Маргарита Степановна умеет вправлять мозги. Она быстро объяснит Ирочке, что такое «доля женская» и как опасно оставаться одной в тридцать пять лет.

Я — Глеб Егоров. И я не проигрываю. Никогда.

Но почему-то в этот вечер мне впервые стало по-настоящему страшно в собственной огромной квартире. Страшно и... холодно. Несмотря на работающее отопление.

Глава 13

Замок на тяжелой двери ателье поддался с мягким, едва слышным щелчком. Я вошла внутрь, еще не включая свет, и просто замерла в прихожей, вдыхая этот воздух. Здесь пахло не жасминовыми духами Марины и не застарелым виски Глеба. Здесь пахло мелом, свежееотпаренной шерстью, металлом швейных машин и дорогим итальянским шелком.

Это был запах моей настоящей жизни. Жизни, которую я строила по сантиметру, по стежку, пока мой муж считал, что успех просто падает на нас с неб

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.